

Эссе о рабстве и аболиционизме со ссылкой на долг американских женщин

Кэтрин Эстер Бичер

An Essay on Slavery and Abolitionism

Catharine Esther Beecher

Электронная книга проекта Гутенберга Эссе о рабстве и аболиционизме

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Эссе о рабстве и аболиционизме

Автор: Кэтрин Эстер Бичер

Дата выхода: 25 июля 2008 г. [Электронная книга № 26123]

Последнее обновление: 3 января 2021 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено К. Нордквистом, Эмануэлой Пиасентини и командой онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / Американскими библиотеками.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" ЭССЕ О РАБСТВЕ И АБОЛИЦИОНИЗМЕ " ***

ЭССЕ О РАБСТВЕ И АБОЛИЦИОНИЗМЕ СО ССЫЛКОЙ НА ДОЛГ АМЕРИКАНСКИХ ЖЕНЩИН

АВТОР Кэтрин Э. БИЧЕР.

Филадельфия:
ГЕНРИ ПЕРКИНС, ЧЕСТНАТ-СТРИТ, 134.
ПЕРКИНС И МАРВИН, БОСТОН.
.....
1837 год.

Введен в соответствии с Актом Конгресса в 1837 году *Генри Перкинсом* в должности секретаря окружного суда Восточного округа Пенсильвании.

ПРИНТЕРЫ Л. ЭШМИД И КО.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ниже приведены обстоятельства, послужившие поводом для написания последующих страниц. Дженгльмен и друг попросил автора назвать причины, по которым ему не следует вступать в Общество отмены смертной казни. При подготовке ответа на этот запрос был представлен адрес мисс Гримке и сообщена информация о ее намерении посетить Север с целью использования своего влияния среди северных женщин, чтобы побудить их объединиться с Обществами по отмене смертной казни. Затем автор начал писать личное письмо мисс Гримке как личному другу. Но по пожеланиям и советам других эти две попытки были, наконец, объединены в следующем Эссе, которое будет представлено публике.

Почетное и любимое имя, которое носит эта леди, столь ассоциируемое на Юге, Севере и Западе со всем, что есть элегантного в ученом, утонченного в дженгльмене и возвышенного в христианине, — уважаемая секта, с которой она связана, — интересные излияния ее пера - и ее собственная интеллектуальная и моральная ценность должны обеспечить уважение к ее мнениям и большое личное влияние. Это, по-видимому, достаточное извинение за то, что я представил общественности некоторые соображения в связи с ее именем; соображения, которые могут в другом аспекте показать дело, которое она отстаивает, и которые, возможно, было бы уместно рассмотреть. Как таковые, они заслуживают почтительной оценки общественности, и особенно той ее части, для которой они специально предназначены.

ЭССЕ О РАБСТВЕ И АБОЛИЦИОНИЗМЕ

Адресовано мисс А. Д. Гримке.

Мой дорогой Друг,

До меня дошло ваше публичное обращение к христианкам на Юге, и меня попросили помочь распространить его на Севере. Мне также сообщили, что вы планируете поездку в течение следующего года с целью оказания вашего влияния на создание Обществ по отмене смертной казни среди женщин штатов, не являющихся рабовладельцами.

Наше знакомство и дружба дают мне право выслушать вас наедине; но есть причины, по которым мне кажется более желательным обратиться к вам, кто сейчас выступает перед публикой как сторонник мер по отмене смертной казни, более публично.

Цель, которую я имею в виду, состоит в том, чтобы представить некоторые причины, по которым женщинам из штатов, не являющихся рабовладельческими, кажется неразумным и нецелесообразным объединяться в Общества отмены рабства; и, таким образом, в то же время продемонстрировать нецелесообразность курса, который вы предлагаете принять.

Прежде всего я хотела бы отметить, что ваше публичное выступление наводит меня на мысль, что вы недостаточно информированы о чувствах и мнениях женщин-христианок на Севере. Ваши замечания, похоже, предполагают, что *принципы*, которых придерживаются аболиционисты в отношении рабства, присущи только им и, как правило, не принимаются теми на Севере, кто выступает против их *мер*. В этом вы неверно информированы. В том смысле, в каком аболиционисты объясняют используемые ими термины, разница между ними и большинством северян невелика, если вообще есть. Особенно это верно для северных людей религиозных принципов. Я не знаю, где искать северных христиан, которые отрицали бы, что каждый рабовладелец обязан обращаться со своими рабами точно так же, как он утверждал бы, что с его собственными детьми следует обращаться в аналогичных обстоятельствах; что удержание наших собратьев как собственности или отказ от любого из прав на свободу просто ради наживы является грехом и от него следует немедленно отказаться; и что там, где законы таковы, что рабовладелец не может *законно* освободить своих рабов, не ввергнув их в худшее рабство, он обязан использовать все свое влияние, чтобы изменить эти законы, и, а пока обращаться со своими рабами, насколько это возможно, *как если бы* они были свободны.

Я не думаю, что на Севере найдется хоть один человек из тысячи, который не согласился бы с этими принципами. Они различались бы только в использовании терминов и называли бы это доктриной *постепенной эмансипации*, в то время как аболиционисты называли бы это доктриной *немедленной эмансипации*.

Поскольку таково состояние общественного мнения на Севере, нет необходимости использовать какое-либо влияние на северных дам, чтобы они могли принять ваши *принципы* по вопросу рабства; поскольку они придерживаются общих с вами взглядов, и было бы неразумно и могло бы вызвать раздражение подходить к ним так, как если бы они придерживались противоположных чувств.

Что касается обязанности прилагать усилия к тому, чтобы заставить население Южных Штатов принять эти принципы и действовать в соответствии с ними, то это совершенно другой вопрос. По этому вопросу вы обнаружите, что подавляющее большинство настроено против ваших взглядов. Большинство людей в штатах, не являющихся рабовладельцами, рассматривали вопрос о рабстве на Юге как вопрос, в который они были призваны вмешиваться не больше, чем в отмену системы пресс-банды в Англии или титарной системы Ирландии. Общественное мнение, возможно, ошибалось в этом вопросе, и все же было право во всех тех великих принципах прямоты и справедливости, касающихся рабства, которые аболиционисты считают своими *отличительными* особенностями.

Отличительная особенность Общества отмены смертной казни заключается в следующем: это добровольное объединение в одной части страны, призванное пробудить общественное мнение против морального зла, существующего в другой части страны, и, по-видимому, основной целью усилий является увеличение числа членов этой ассоциации как средства воздействия на общественные настроения. Основная цель вашего предполагаемого тура, я

полагаю, состоит в том, чтобы представить факты, аргументы и убеждения, чтобы повлиять на северных леди, чтобы они записались в члены этой ассоциации.

Поэтому я продолжу излагать некоторые доводы, которые могут быть выдвинуты против такой меры, на которой вы настаиваете.

Во-первых, главный принцип действия в этом обществе полностью основан на ложном выводе из прошлого опыта. Опыт показывает, что, когда в обществе существует определенное моральное зло, усилия по пробуждению общественного настроения против такой практики и комбинации для осуществления личного влияния и примера в различных случаях имели тенденцию исправлять это зло. Так, в отношении невоздержанности: сбор фактов, труд публичных лекторов и распространение публикаций оказали большое влияние на уменьшение этого зла. То же самое касается работорговли и рабства в Англии. Английская нация обладала властью регулировать свою собственную торговлю и предоставлять свободу каждому рабу в своих владениях; и все же они совершенно не помнили о своем долге в этом вопросе. Кларксон, Уилберфорс и их помощники запустили систему операций по возбуждению общественных настроений и влиянию на них, и им удалось добиться подавления работорговли и постепенной отмены рабства в английских колониях. В обоих этих случаях попытка состояла в том, чтобы просветить и направить общественные настроения в сообществе, частью которого были действующие лица, чтобы побудить их исправить зло, существующее между НИМИ, которое было полностью под их контролем.

Исходя из успеха таких усилий, аболиционисты этой страны сделали выводы, которые кажутся не только нелогичными, но и ложными. Поскольку люди в своем сообществе побуждали своих сограждан исправлять собственное зло, следовательно, они делают вывод, что попытки убедить своих сограждан в недостатках *другого* сообщества приведут это сообщество к отказу от их порочных практик. Пример более наглядно проиллюстрирует ситуацию. Предположим, что два города-конкурента всегда находились в состоянии конкуренции и всегда ревниво относились к репутации и процветанию друг друга. Некоторые люди в одном из таких городов убеждаются, что грех невоздержанности разрушает их процветание и семейное счастье. Они продолжают собирать факты, они приводят статистику, они созывают общественные собрания, они формируют добровольные ассоциации, они используют аргументы, мольбы и личный пример, и с помощью этих средств они останавливают зло.

Предположим, что другая группа людей в том же сообществе пришла к убеждению, что определенные методы торговли и ведения бизнеса в городе-конкуренте нечестны, оказывают угнетающее воздействие на определенные классы в этом городе и наносят ущерб интересам общей коммерции. Предположим также, что это практики, которые те, кто их допускает, считают почетными и правильными. Те, кто убежден в своей безнравственности, желают изменить мнения и обычаи граждан своего города-соперника, и для этого они начинают сбор фактов, которые демонстрируют тенденции этих обычаев и порожденное ими зло. Но вместо того, чтобы обратиться к сообществу, в котором существует зло, и попытаться убедить его, они продолжают создавать добровольные ассоциации среди своих соседей по дому и тратят свое время, деньги и усилия на то, чтобы убедить своих сограждан в том, что жители их города-соперника виновны в большом грехе. Они также публикуют газеты и трактаты и рассылают агентов не в виновный город, а во все соседние города и деревни, чтобы убедить их в грехах города, расположенного по соседству. И они утверждают, что с помощью этих мер им удастся

заставить этот город покончить со своими грехами, потому что другие люди преуспели в изгнании невоздержанности, трудясь среди своих друзей и сограждан. Разве этот пример не является точной параллелью усилиям аболиционистов? Разве северная и южная части нашей страны не являются отдельными сообществами с разными чувствами и интересами? Разве они не соперничают и не ревнуют друг к другу в чувствах? Обладают ли северные штаты властью исправлять зло, творимое на Юге, поскольку они должны устранить свои собственные моральные уродства; или у них есть какая-либо такая власть над южными штатами, какую британский народ имел над своей собственной торговлей и зависимыми колониями в Вест-Индии? Разве аболиционисты не рассылали газеты, трактаты и агентов, чтобы убедить жителей Севера в грехах Юга? Разве они не воздержались от поездки на Юг со своими фактами, аргументами и призывами, потому что боялись навредить самим себе? И разве аболиционисты не возлагали надежды на успех своего проекта, на успех, увенчавший усилия британских филантропов в деле борьбы с рабством, и на успех, сопутствовавший усилиям по искоренению невоздержанности? И разве эти два случая полностью не отличаются от движения за отмену смертной казни в том главном пункте, что один из них представляет собой попытку убедить людей *в их собственных грехах*, а другой - попытку убедить людей в грехах *других людей*?

Вторая причина, по которой я бы настоятельно рекомендовал не вступать в Общество отмены смертной казни, заключается в том, что его характер и меры не являются ни мирными, ни христианскими по своей направленности, а скорее такими, которые порождают партийный дух, доносы, взаимные обвинения и гневные страсти.

Но прежде чем привести доказательства в поддержку этой позиции, я хочу провести различие между *людьми*, составляющими ассоциацию, и *мерами*, которые пропагандируются и принимаются.

Я верю, что как организация, аболиционисты - это люди чистой морали, большой честности в достижении цели, настоящей доброжелательности и благочестия, а также большой активности в усилиях по продвижению того, что они считают наилучшими интересами своих собратьев. Я полагаю, что, прилагая усилия к отмене рабства, они приняли меры, которые, по их мнению, были наилучшим образом рассчитаны на то, чтобы положить конец этому злу с наибольшей скоростью и с наименьшей опасностью и страданиями на Юге. Я не верю, что они когда-либо намеревались способствовать разобщению, или восстанию, или разжиганию междоусобицы, или что они полагают, что их меры можно справедливо охарактеризовать теми особенностями, которые я указал. Я верю, что их побуждало двигаться вперед сильное чувство патриотизма, а также религиозный долг, и что они принесли большие жертвы чувствами, характером, временем и деньгами, чтобы продвигать то, что они считали делом человечества и служением Богу. Я считаю, что отдельные лица среди них заняли смелую позицию в отстаивании свободы свободного обсуждения, свободы слова и печати; хотя это, однако, несколько ослабляется ненужными провокациями, с помощью которых они создавали те трудности и опасности, которые они так мужественно переносили. Говоря таким образом об аболиционистах как о группе, не предполагается, что в этой партии, как и в любой другой, нет плохих людей; или что среди тех, кто является хорошими людьми, нет тех, кто, возможно, позволил партийному духу занять место христианских принципов; людей, которые продемонстрировали прискорбную нехватку христианского милосердия; кто проявил властную, осуждающую и своевольную настойчивость в отношении мер. Тем не менее, с этими оговорками, я считаю, что вышесказанное - не более чем честная демонстрация того класса людей, которые состоят в

партии аболиционистов. И все это можно признать, и все же возражение, которое я должен выдвинуть против вступления в их ряды, может остаться в силе в полную силу.

Чтобы сделать положение более ясным, можно привести иллюстрацию. Предположим, группа добрых людей пришла к убеждению, что вдохновенное наставление "тех, кто грешит, обличайте перед всеми, чтобы другие боялись" налагает на них обязанность открыто обличать каждого, кого они обнаружат в совершении какого-либо греха. Предположим, что у этих людей есть привычка ежедневно выходить на улицы и обзывать всех прохожих, указывая на определенных людей, одних как на лжецов, других как на нечестных, некоторых как на распущенных, а затем приводить доказательства их вины и упрекать их перед всеми; в то же время призывая всех вокруг указывать на них пальцем с презрением.

Они упорствуют в этом до тех пор, пока вся община не приходит в неистовство; начинаются нападения и даже кровопролитие. Затем они призывают всех добропорядочных граждан защищать свою личность от жестокого обращения и поддерживать свободу слова и убеждений.

Теперь эти люди могут быть столь же чисты в нравственности, столь же добросовестны и прямолинейны в намерениях, как любой аболиционист, и все же каждый скажет, что их меры были неразумными и нехристианскими.

Аналогичным образом, хотя аболиционистов можно хвалить за многие добродетели, все же можно представить много доказательств того, что характер и меры Общества отмены смертной казни не являются ни мирными, ни христианскими по своей природе, но что они по своей природе рассчитаны на то, чтобы порождать партийный дух, доносы, взаимные обвинения и гневные страсти.

Первое, что я хотел бы представить, чтобы установить это, - это характер лидеров этой ассоциации. Каждое совместное усилие обязательно направляется лидерами; и дух лидеров неизбежно передается их помощникам и проявляется в действиях всего коллектива.

Пытаясь охарактеризовать этих лидеров, я бы сначала представил другого руководителя аналогичного предприятия, любимого и почитаемого Уилберфорса. Именно таким образом близкий друг описал его выдающиеся черты характера.

"Его чрезвычайная доброжелательность во многом способствовала его успеху. Я слышал, как он говорил, что одним из его постоянных правил, особенно в вопросе рабства, было никогда не провоцировать противника — полностью доверять ему искренность и чистоту мотивов — воздерживаться от любых раздражающих выражений — избегать даже таких политических нападок, которые могли бы навредить его оппонентам в его великом деле. На самом деле, доброта, мягкость, великодушие этого человека обезоруживали самых злейших врагов. Он сдерживал себя не только в этом вопросе, но и в целом. Однажды во время целого диспута его называли "религиозным членом", что было своего рода презрением. Впоследствии он заметил, что был очень склонен возразить, назвав своего оппонента *нерелигиозным* членом церкви, но воздержался, поскольку это было бы воздаянием злом за зло. По сравнению с его общей последовательностью и любовью к Священным Писаниям, *смирение* его характера всегда казалось замечательным. В нем всегда проявлялся скромный, сдержанный, простой христианский государственный деятель и друг. И чем ближе вы подходили к нему, тем более скромным и непритязательным казался его образ мыслей. Его *милосердие в суждении о других* является еще одной чертой его христианского характера. О его доброжелательности мне

нет нужды говорить, но его *доброе построение сомнительных поступков*, его *милосердный язык* по отношению к тем, с кем он наиболее сильно расходился, его полное забвение мелких обид были плодами той общей доброжелательности, которая проявлялась постоянно".

Это был лидер, как в парламенте, так и вне его, той группы людей, которые объединились, чтобы положить конец рабству и работорговле во владениях Великобритании. С ним, как с главными лидерами, были связаны Кларксон, Шарп, Маколей и другие люди того же духа. Все эти люди отличались тем мягким, доброжелательным, миролюбивым, джентльменским и снисходительным духом, который был описан как столь заметный в Уилберфорсе. И когда их меры будут изучены, окажется, что они были в высшей степени мягкими, миролюбивыми и терпеливыми. Хотя никакие усилия, направленные на то, чтобы противостоять эгоистичным интересам людей, не могут обойтись без ненависти и противодействия со стороны тех, кому препятствуют, и со стороны всех, на кого они могут повлиять, эти люди тщательно предприняли те меры, которые были рассчитаны на достижение их цели с наименьшим возможным противодействием и злом. Они избегали предрассудков, стремились примирить противников, избегали всего, что могло вызвать ненужную обиду и раздражение, начинали медленно и осторожно, с пунктов, которые было легче всего перенести, и продвигались к другим только по мере того, как общественное мнение становилось все более и более просвещенным. Они не боролись со львом в полный рост, выступив в первую очередь с максимой о том, что всякое рабство должно быть немедленно отменено. Они начали с "*расспросов относительно неblaговидности работорговли*", и прошли годы, прежде чем они дошли до вопроса об отмене рабства. И они довели свои меры до конца, не породив враждующих сторон среди *хороших людей*, которые придерживались общих с самими собой принципов. Как правило, благочестивые люди Великобритании действовали слаженно в этом великом начинании.

Давайте теперь посмотрим на лидеров движения за отмену смертной казни в Америке. Человеком, который первым взял на себя инициативу, был Уильям Л. Гаррисон, который, хотя и исповедует христианскую религию, является откровенным противником большинства ее институтов. Характер и дух этого человека в течение многих лет проявлялись в "*Освободителе*", редактором которого он является. То, что в этой статье или в какой-либо другой вещи можно найти какие-либо доказательства того, что он обладает особыми чертами Уилберфорса, не подтверждают даже самые горячие его поклонники. Сколько противоположных черт можно найти, лучше всего могут судить те, кто читал его статью. Постепенно к усилиям, начатым Гаррисоном, присоединились и другие; но долгое время они состояли в основном из людей, которые могли бы попасть в один из этих трех классов: либо хороших людей, которые были настолько взволнованы знанием огромного зла рабства, что *любая вещь* считалась лучше полного бездействия, либо людей, привыкших к ограниченному полю наблюдения и более способных судить о непосредственных результатах, чем об общих тенденциях, либо людей пылкого и импульсивного темперамента, чьи чувства, скорее всего, будут руководить, чем их суждения.

Нет людей, которые действовали бы более эффективно как руководители предприятия, чем редакторы периодических изданий, которые пропагандируют и защищают его. Таким образом, редакторов "*Эмансипатора*", "*Друга человека*", "*Нью-Йоркского евангелиста*" и других периодических изданий, посвященных отмене смертной казни, можно считать одними из главных лидеров предприятия, а их газеты являются зеркалом, в котором отражаются их дух и характер.

Я бы хотел, чтобы друзья этих редакторов вычленили из своих статей все признаки, которые они смогут найти об особенностях, отличавших Уилберфорса и его партнеров; все свидетельства "скромного и непритязательного духа"; все проявления "милосердия при оценке мотивов тех, кто выступает против их мер"; все "признаки великодушия, мягкости и незлобивости сердца"; все "добрые построения сомнительных действий"; все "милосердные формулировки, используемые по отношению к тем, кто расходится во мнениях или мерах"; все "полное забвение добрых намерений". мелкие оскорбления", — все случаи, когда "оппонентам полностью доверяют чистоту и искренность мотивов", — все случаи, когда они были осторожны, "чтобы никогда не провоцировать противника", - все случаи, когда они "воздерживались от всех раздражающих выражений", — все случаи, когда они избегали всего, что могло бы "навредить их оппонентам в их великом деле", а затем сравнивали результат с тем, что может быть обнаружено противоположного характера, и я думаю, было бы небезопасно сделать вывод, что ассоциация, мерами которой по волнующему предмету руководили такие люди, была бы более эффективной. скорее всего, будет агрессивным, чем мирным. Позиция, которую я хотел бы изложить, станет более ясной, если подробно рассмотреть некоторые из важных мер, которые были приняты этой ассоциацией.

Одной из первых мер аболиционистов была атака на доброжелательное общество, созданное и поддерживаемое одними из самых благочестивых и преданных людей того времени. Аболиционисты воображали, что влияние и меры Колонизационного общества имели тенденцию задерживать отмену рабства и увековечивать пагубные предрассудки против цветной расы. Мирный и христианский метод решения этой проблемы заключался бы в том, чтобы собрать все доказательства этой предполагаемой пагубной тенденции и в частном порядке, уважительным и примирительным образом, представить ее вниманию мудрых и доброжелательных людей, которые были наиболее заинтересованы в поддержании этого института. Если бы эта мера не помогла убедить их, тогда было бы безопасно и оправданно представить общественности сдержанное изложение фактов и основанных на них выводов, составленное в уважительной и откровенной манере, со всеми благотворительными оговорками, которые могла бы гарантировать истина. Вместо этого, когда впервые была предпринята попытка настроить общественное мнение против Общества колонизации, я встретился с одним из самых влиятельных сторонников этого института, сразу после того, как у него было интервью с ведущим аболиционистом. Этот джентльмен был весьма примечателен своей вежливостью, кротостью и доброжелательностью, и его замечание в мой адрес по поводу этого интервью показывает, какова была его природа. "Я люблю правду и здравые аргументы, - сказал он, - но когда человек идет на меня с кувалдой, я не могу не увернуться". Это образец их частной манеры ведения дел. Публично предприятие подвергалось нападкам как план продвижения эгоистичных интересов и предрассудков белых за счет цветного населения; и во многих случаях предполагалось, что руководители этой ассоциации знали об этом и были пособниками в этом. И стиль, в котором это было сделано, был одновременно оскорбительным, подстрекательским и раздражающим. Доносы, насмешки и публичные порицания без разбора обрушивались на руководителей предприятия, и, конечно, они обрушились на многих искренних, честных и совестливых людей, чьи чувства были задеты ощущением несправедливости, неприличия и нехристианского обращения, которым они подвергались. И когда на общественное сознание было произведено временное впечатление, и его противники предположили, что им удалось сокрушить это общество, самое публичное и торжествующее ликование не было подавлено. Сравните этот метод отстаивания своей точки зрения с тем,

который был принят Уилберфорсом и его коллегами, и я думаю, вы согласитесь, что существовал мирный и христианский путь, и что это был не тот путь, который был выбран.

Следующей мерой аболиционизма была попытка устранить предубеждения белых против черных из-за природных особенностей. Итак, предубеждение - это *необоснованная и беспочвенная* неприязнь к людям или вещам. Конечно, поскольку это неразумно, победить это труднее всего, и наихудшим и наиболее раздражающим методом, который можно было бы применить, было бы напасть на человека, виновного в грехе, неразумного, неблагодарного или гордого за допущение определенного предубеждения.

Это верный способ вызвать гнев, самооправдание и усилить силу предубеждения против того, что вызвало у него этот упрек и раздражение.

Лучший способ заставить человека полюбить неприятную вещь - это попытаться каким-то образом сделать ее приятной; и если определенный класс людей является объектом необоснованных предубеждений, мирным и христианским способом устранения этого было бы попытаться сделать несчастных людей, составляющих этот класс, такими полезными, такими скромными и непритязательными, такими добрыми в своих чувствах и такими полными любви и добрых дел, чтобы предубеждение было вытеснено самодовольством по поводу их доброты, а также жалостью и сочувствием к их недостаткам. Если бы "друзья чернокожих" спокойно взялись за работу по повышению своего интеллекта, своей полезности, своей респектабельности, своей кротости, мягкости и благожелательности, а затем воззвали к жалости, великодушию и христианским чувствам своих сограждан, результат был бы совсем другим. Вместо этого были использованы упреки и насмешки, чтобы убедить белых в том, что их предрассудки греховны и не имеют под собой никакой справедливой причины. Их обвиняли в гордыне, в эгоистичном безразличии, в нехристианском пренебрежении. Это, как правило, раздражало белых и усиливало их предубеждение против черных, которые, таким образом, становились причиной упреков и раздражения. Затем, с другой стороны, чернокожие широко приняли *Liberator* и научились впитывать дух его проводника.

Их учили чувствовать, что они пострадали и подверглись жестокому обращению, стали объектами виновного и необоснованного предубеждения, что они занимают в обществе более низкое место— чем положено, что с ними следует обращаться так, как если бы они были белыми; и в неоднократных случаях их друзья предпринимали попытки смешать их с белыми, чтобы разрушить существующие различия в обществе. Теперь вопрос не в том, были ли правдой все эти вещи, к которым призывали аболиционисты. Дело в том, что метод, использованный ими для устранения этого предрассудка, не был ни мирным, ни христианским по своей направленности, но, напротив, был рассчитан на увеличение зла и порождение гнева, гордыни и взаимных обвинений, с одной стороны, и зависти, недовольства и мстительных чувств, с другой.

Таковы некоторые из общих мер, которые были приняты в рамках движения за отмену смертной казни. Те же особенности могут быть столь же отчетливо видны в конкретных случаях, когда мирным и спокойным способом достижения блага пренебрегали и выбирали тот, который наиболее рассчитан на возбуждение гнева и раздоров. Возьмем, к примеру, усилия по созданию колледжа для цветных. Тихим, мирным и христианским способом сделать это для тех, кто был заинтересован в этом плане, было бы выделить необходимые деньги, а затем выбрать уединенное место, где можно было бы встретить наименьшее предубеждение и

противодействие, и там ненавязчиво начать воспитание молодежи, которое будет поддерживаться таким образом. Вместо этого, в то время, когда общественное мнение было взволновано этим вопросом, за границей поднялся шум о том, что будет основан колледж для чернокожих. Затем для его расположения был выбран город, где находился еще один колледж, настолько большой, что требовал постоянных усилий и бдительности для сохранения спокойной субординации; где едва сдерживались соревнования с "морями и городскими парнями"; колледж, в котором обучалась большая часть студентов-южан, которых очень волновала тема рабства и эмансипации; колледж, где половина обувщиков и официантов были цветными мужчинами. Рядом с самими стенами этого колледжа было предложено основать колледж для цветных молодых мужчин. Могло ли быть иначе, чем то противодействие, которое по самым веским причинам возникло бы против такой попытки, как со стороны профессорско-преподавательского состава колледжа, так и со стороны местных жителей? Можно ли разумно ожидать, что они не будут возражать против меры, столь рассчитанной на увеличение их собственных трудностей и ответственности и в то же время столь определенно ставящей предлагаемое учреждение в самые неблагоприятные из всех обстоятельств? Но когда этой мере воспротивились, вместо того, чтобы смиренно и миролюбиво уступить таким разумным возражениям и успокоить возбужденные чувства и опасения, придав этому вопросу наилучший вид и подыскав другое место, это было заявлено как свидетельство противодействия интересам чернокожих и как признак силы греховных предрассудков. Худшие, а не лучшие мотивы приписывались некоторым из самых уважаемых, почитаемых и набожных людей, которые выступали против этой меры; и было сказано и сделано много такого, что было рассчитано на то, чтобы вызвать в обществе гневное брожение.

Возьмем другой пример. Если бы благоразумная и доброжелательная женщина выбрала почти любую деревню Новой Англии и открыла школу для цветных женщин тихим, уместным и ненавязчивым способом, мир никогда бы не узнал об этом случае, за исключением аплодисментов ее доброжелательности и доброте жителей деревни, которые помогли ей в этом начинании. Но вместо этого появились публичные объявления (которые я видел в то время), в которых говорилось, что в Кентербери, в штате Коннектикут, будет открыта семинария для обучения цветных молодых леди, где будут преподавать музыку на фортепиано forte, рисование и т.д., а также курс английского языка. В настоящее время в Новой Англии нет и дюжины цветных семей, находящихся в таком материальном положении, что, будь они белыми, попытка дать своим дочерям такое образование не считалась бы нелепой, а Кентербери был местом, где лишь немногие из самых богатых семей когда-либо думали о том, чтобы дать своим детям такие достижения. Можно было бы добавить несколько других деталей, которые были чрезвычайно раздражающими, но это может служить образцом метода, которым проводилось все дело. Это было полное пренебрежение предрассудками и приличиями общества, рассчитанное на то, чтобы стимулировать гордыню, гнев, недоброжелательность, раздоры и все горькие чувства, которые возникают в результате подобных столкновений. Затем, вместо принятия мер по успокоению и примирению, были пущены в ход упреки, насмешки и порицания, и Кентербери и Коннектикут подверглись общественному презрению и порицанию за то, что сделали то, что, вероятно, сделало бы большинство других общин, если бы их подвергли подобному искушению и провокации.

Возьмем другой случай. Аболиционисты сочли целесообразным издать документ об отмене смертной казни, сначала в Кентукки, рабовладельческом штате. Он был изгнан из этого штата либо насилием, либо угрозами. Он отступил в Огайо, один из свободных штатов. Выбирая место

для своего размещения, он мог бы быть основан в небольшом местечке, где люди придерживались схожих взглядов или не были подвержены опасным народным волнениям. Но был выбран Цинциннати; и когда самые умные, наиболее рассудительные и наиболее патриотичные из граждан возразили, — когда они заявили, что существуют особые и необычные препятствия для народного волнения по этому поводу, — что организация и мощь полиции делают чрезвычайно опасным возбуждение толпы и почти невозможным ее контролировать, — что всего хорошего, к чему стремились, можно было бы достичь, разместив прессу в другом месте, где не было таких опасных препятствий, — когда они любезно и уважительно настаивали на этих соображениях, ими пренебрегли. Я сам присутствовал, когда искренний друг убеждал того, кто контролировал эту газету, в том, что обязанности хороших людей заключаются не только в том, чтобы самим не нарушать полезные законы, но и в том, чтобы учитывать подверженность других искушению; и что там, где христиане могли предвидеть, что, создавая определенные искушения на пути своих братьев, они с большой вероятностью поддадутся, и все же упорствовали в этом, искушители становились соучастниками вины тех, кто поддался искушению. Но эти увещевания были безрезультатны. Газета должна быть не только напечатана и распространена, но и размещена там, где существует наибольшая вероятность применения мер незаконного насилия. И когда зло было совершено, и толпа разгромила прессу, тогда те, кто настаивал на этих мерах искушения, обратились против тех, кто советовал и протестовал, как виновных в насилии, потому что в период волнений меры, принятые для сдерживания и контроля толпы, были не такими, которые считались подходящими и правильными.

Итак, во всех вышеперечисленных случаях я ни в коем случае не стал бы оправдывать неправильные или необдуманные меры, которые могли быть предприняты в рамках этого курса провокации. Величиеискушения ни в коем случае не освобождает людей от обязательств; но христиане обязаны помнить, что это определенное последствие сильного возбуждения людей, что они будут действовать неразумно и неправильно, и что как Бог, так и человек несут ответственность как за искушителя, так и за искушаемых. Во всех этих случаях не может не казаться, что доброе дело, к которому стремились, могло быть совершено тихим, мирным и христианским путем, и что это был не тот путь, который был выбран.

Вся система мер по отмене смертной казни, по-видимому, полностью упускает из виду обязанность христиан спасти своих братьев от всех ненужных искушений. Если то, что должно быть сделано, является только законным и верным, то, по-видимому, не требовалось прилагать усилий, чтобы сделать это таким образом, чтобы не провоцировать и раздражать; но часто, если главной целью было сделать добро наиболее вредным и оскорбительным способом, невозможно было бы изобрести более определенные и подходящие методы.

Таков был характер движений за отмену смертной казни, что многие предположили, что это был преднамеренный и систематизированный план лидеров не делать ничего, кроме того, что было строго *правом*, гарантированным законом, и все же, таким образом, чтобы вызвать гнев людей, чтобы могли последовать несправедливые и незаконные действия, зная, что, как следствие, противники отмены будут привлечены к ответственности, и возникнет сочувствие к аболиционистам как к пострадавшим и преследуемым людям. Это факт, что аболиционисты избрали курс, наиболее рассчитанный на то, чтобы спровоцировать незаконные акты насилия, и что когда они последовали, они, казалось, радовались им, поскольку рассчитывали продвинуть и укрепить свое дело. Насилие толп, доносы и необоснованные требования Юга,

отказ в праве на подачу петиций, ограничения, которые пытаются наложить на свободу слова и свободу печати, обычно с ликованием упоминаются аболиционистами как одно из главных средств продвижения своего дела. Их дело процветает не столько благодаря возбуждению чувств жалости, человечности и христианской любви к угнетенным, сколько благодаря пробуждению негодования по поводу обращения с самими аболиционистами. Сколько людей заявляли или подразумевали, что, вступая в ряды сторонников отмены смертной казни, они руководствовались не своими аргументами или мудростью своего курса, а потому, что насилие противников отождествляло эту причину с вопросом о свободе слова, свободе печати и гражданской свободе.

Но когда я говорю, что многие предполагали, что это было преднамеренное намерение аболиционистов подстрекать к незаконным действиям и насилию, я ни в коем случае не оправдываю предположение, которое противоречит принципам справедливости и милосердия. Лидеры Общества отмены рабства отвергают все подобные желания или намерения; они действуют, очевидно, исходя только из предположения, что они осуществляют справедливые права, от которых они не обязаны отказываться, потому что другие люди будут действовать неразумно и порочно.

Другой мерой аболиционистов, рассчитанной на пробуждение недобрых чувств, было обращение с теми, кто возражал против их действий.

Значительное большинство филантропов и благочестивых людей, придерживающихся общих с аболиционистами взглядов относительно греха и пороков рабства и обязанности использовать все подходящие средства для его прекращения, выступили против их мер, поскольку считали, что они рассчитаны не на продвижение, а скорее на замедление намеченной ими цели. Мирный и христианский метод противостоять такому противодействию заключался бы в том, чтобы полностью доверить оппонентам чистоту и неподкупность мотивов, избегать любых резких и осуждающих выражений и использовать факты, аргументы и убеждения добрым и уважительным образом в надежде изменить их взгляды и развеять их страхи. Вместо этого с мудрыми и добрыми людьми, выступавшими против мер по отмене рабства, обращались так, как если бы они были друзьями и защитниками рабства, или как с теми, кто из-за виноватой, робкой политики отбывания срока отказался следовать курсом, которого требовал долг. К ним обращались либо так, как если бы было необходимо убедить их в том, что рабство - это неправильно и от него следует отказаться, либо так, как если бы их нужно было убедить отказаться от своей робости и эгоистичных интересов и выполнить очевидный долг, которым они сознательно пренебрегали.

Нет ничего более раздражающего, когда человек добросовестен и действует в соответствии со своими собственными представлениями о справедливости, чем когда с ним обращаются подобным образом. Чем больше к мужчинам относятся так, как если бы они были честными и искренними, чем больше к ним относятся с уважением, справедливостью и доброжелательностью, тем больше вероятность, что они будут тронуты доказательствами и аргументами. Напротив, резкость, безжалостность и порицание мнений и поведения, которые согласуются с собственными представлениями человека о долге и порядочности, имеют тенденцию пробуждать дурные чувства и не позволяют уму должным образом относиться к очевидным фактам. Аболиционисты не только пошли этим курсом, но и во многих случаях, казалось, действовали по принципу, что отмена рабства в том конкретном виде, в котором они

стремились ее осуществить, имела такое первостепенное значение, что должно быть свергнуто все, что стояло на пути.

Независимо от того, какое уважение завоевал человек к талантам, добродетели и благочестию, если он стоит на пути аболиционизма, его следует критиковать за характер и мотивы.

Независимо от того, насколько важным может быть учреждение, если его влияние направлено против мер аболиционизма, оно должно подвергаться открытым нападениям или подрываться в частном порядке до тех пор, пока его влияние не будет уничтожено. С помощью таких мер были приняты самые прямые меры для пробуждения гнева по поводу причиненного вреда и негодования по поводу несправедливости, а также для того, чтобы спровоцировать возмездие тех, кто причиняет зло. Все пристрастия личной дружбы; все чувства уважения, проявляемые к хорошим и полезным людям; все интересы, которые группируются вокруг общественных институтов, укоренившиеся в сердцах множества людей, которые их поддерживают, были возмущены таким курсом.

Еще одной чертой аболиционистов, которая в значительной степени способствует разжиганию гнева и раздоров, является их нескромное и неправильное использование терминов.

Чтобы сделать это очевидным, необходимо исходить из того, что слова не имеют внутреннего значения, но всегда обозначают то, что они обычно *понимаются* как означающие. Никогда не следует задавать вопрос, что *должно* означать то или иное слово? просто, какой смысл обычно придают этому слову те, кто его использует? Словари и составители стандартов - подходящие судьи для решения этого вопроса. Итак, если люди берут слова и придают им новое и своеобразное употребление, и, следовательно, их неправильно понимают, они виновны в своего рода обмане и несут ответственность за все зло, которое может последовать в результате.

Например, если врачи выйдут и заявят, что, по их мнению, они должны были отравить всех своих пациентов, и они решили это сделать, а затем все общество должно быть повергнуто в ужас и возбуждение, для них не будет оправданием говорить, что все, что они подразумевали под этим языком, это то, что они должны вводить в качестве лекарств предметы, которые обычно называют ядами.

Теперь аболиционисты выступают перед обществом и заявляют, что всякое рабство - это грех, от которого следует немедленно отказаться; и что их целью и намерением является содействию *немедленной эмансипации* всех рабов в этой стране.

Итак, что же заставляет человека перестать быть рабом и стать свободным? Это не доброе обращение со стороны хозяина; это не выплата заработной платы рабу; это не намерение даровать свободу в будущем; это не обращение с рабом так, как если бы он был свободен; это не чувство по отношению к рабу так, как если бы он был свободен. Невозможно найти ни одного примера ни в одном словаре, ни у какого-либо стандартного автора, ни в каком-либо случае в обычном дискурсе, где какое-либо из этих значений прилагалось бы к слову как составляющее его особое и соответствующее значение. Это всегда означает *тот юридический* акт, который по законам страны превращает раба в свободного человека.

Каково же тогда *правильное* значение языка, используемого аболиционистами, когда они говорят, что всякое рабство - это грех, от которого следует немедленно отказаться, и что их целью является обеспечение *немедленной эмансипации* всех рабов?

Истинное и единственно правильное значение такого языка заключается в том, что долг каждого рабовладельца в этой стране - немедленно отправиться и оформить юридические документы, которые по законам страны превращают всех его рабов в свободных людей. Если их максима верна, то не может быть сделано исключения для тех, кто живет в штатах, где акт эмансипации, совершенный хозяином, делает раба собственностью государства, подлежащей продаже в интересах государства; и не может быть сделано исключения для тех, кто по воле завещателей и по закону страны не имеет права совершать юридический акт, который единственный может освободить их рабов.

Чтобы преодолеть эту трудность, аболиционисты утверждают, что в таких случаях люди физически не в состоянии освободить своих рабов и, конечно, не обязаны это делать; и чтобы сохранить свою великую максиму, утверждают, что в таких случаях рабы не являются рабами, а рабовладельцы не являются рабовладельцами, хотя все их правовые отношения остаются неизменными.

Значение, которое Аболиционист придает своему языку, заключается в том, что каждый человек обязан обращаться со своими рабами, насколько это возможно, как со свободными людьми; и использовать все свое влияние, чтобы положить конец системе рабства как можно скорее. И они допускают, что, когда люди делают это, они свободны от чувства вины в вопросе рабства и не заслуживают порицания.

Но люди на Севере и люди на Юге понимают используемый язык в его истинном значении; и аболиционисты используют эти термины в новом и своеобразном смысле, который неизбежно и повсеместно неправильно понимается, и это является причиной многих раздоров и тревоги, которые преобладают как на Юге, так и на Севере. Нет никого, кроме этих защитников рабства, которые утверждают, что это отношение, оправдываемое законами Евангелия, которые отличаются от аболиционистов в отношении к реальной вещи, которая имеется в виду. Великая ошибка аболиционистов заключается в использовании терминов, которые предполагают немедленное уничтожение отношений, когда они только намереваются призвать к христианскому долгу обращаться с рабами в соответствии с евангельскими правилами справедливости и доброжелательности и использовать все законные и подходящие средства для скорейшего прекращения самой пагубной системы.

Если аболиционисты только перестанут учить, что *все* рабовладение - это грех, который следует *немедленно искоренять*; если они перестанут настаивать на своем плане *немедленной эмансипации* и учить просто и точно тому, что они действительно имеют в виду, прекратятся многочисленные раздоры и непонимание. Но до тех пор, пока они упорно используют эти термины в новом и своеобразном смысле, который всегда будет неправильно понят, они виновны в своего рода обмане и несут ответственность за последующее зло.

Можно упомянуть еще один пример аналогичного неправильного использования терминов. У слова "похититель людей" есть одно особое значение, и оно не более синонимично "рабовладельцу", чем "похитителю овец". Но аболиционисты показывают, что рабовладелец, на самом деле, совершает очень много зла, которое совершает похититель людей, и что преступление такое же злое по своей природе и очень схожее по характеру, и, следовательно, он называет рабовладельца похитителем людей.

Исходя из этого принципа, нет такого оскорбительного выражения, которое не могло бы быть использовано для того, чтобы сделать любого человека отвратительным, ибо каждый человек совершает какой-то грех, и каждый грех во многих отношениях подобен какому-то другому греху, а в некоторыхотягчающих случаях может быть плохим или даже хуже, чем другой грех с гораздо более отвратительным названием. Легко показать, что человек, пренебрегающий всеми религиозными обязанностями, очень похож на атеиста, и если у него были большие преимущества, а у атеиста их очень мало, он может быть гораздо более виновен, чем атеист. Итак, половину респектабельных людей в наших религиозных общинах можно назвать атеистами с таким же правом, с каким рабовладельца можно назвать похитителем людей. Аболиционисты исходили из этого принципа в своих различных публикациях до тех пор, пока термины одиозности, которыми осыпали рабовладельцев, не заняли большую страницу в словаре Биллингсгейта. Такой метод обращения с теми, кого мы хотим убедить, так же противоречит велениям здравого смысла, как правилам хорошего тона и законам Евангелия.

Предыдущие сведения выбраны в качестве доказательства, которое должно быть представлено, того, что характер и меры Общества отмены смертной казни не являются ни мирными, ни христианскими по своим тенденциям; но что по своей природе они рассчитаны на то, чтобы порождать партийный дух, доносы, взаимные обвинения и гневные страсти. Если такова тенденция этого учреждения, то из этого следует, что христианину или любому любителю мира неправильно быть связанным с ним.

Утверждение о том, что христианство само по себе привело к раздорам, не является безопасным методом уклонения от этого аргумента. Христианство — это система *убеждения*, направленная добрыми и нежными влияниями на то, чтобы заставить людей *захотеть* оставить свои грехи - и это делается не для того, чтобы убедить тех, кто не является грешниками, а для самих грешников.

Аболиционизм, напротив, представляет собой систему *принуждения* со стороны общественного мнения; и в его нынешнем действии его влияние направлено не на то, чтобы убедить заблуждающихся, а на то, чтобы убедить тех, кто невиновен, в грехах тех, кто виновен.

Другой заметной особенностью аболиционистов (которая является возражением против вступления в эту ассоциацию) является их отстаивание принципа, который является неправильным и очень пагубным по своей тенденции. Я ссылаюсь на их взгляды в отношении того, что называется "доктриной целесообразности". Их затруднения по этому вопросу, по-видимому, возникли из-за отсутствия четкого различия между долгом тех, кто виновен в грехе, и долгом тех, кто стремится отвратить людей от их грехов. Предполагается, что, поскольку определенные люди должны немедленно отказаться от всякого греха, следовательно, определенные другие люди обязаны *немедленно* попытаться заставить их сделать это. Теперь вопрос целесообразности не относится к тому, что обязаны делать люди, которые сами грешат, — ибо немедленный отказ от греха является долгом всех; но он относится к обязанности тех, кто должен прилагать усилия, чтобы побудить других прекратить свое беззаконие.

Здесь мудрость и правильность данного курса полностью зависят от *вероятности успеха*. Если у отца есть сын с очень своеобразным темпераментом, и он по наблюдениям знает, что использование розги сделает его более раздражительным и более склонным к определенным недостаткам, и что добрые аргументы и нежные меры с большей вероятностью приведут к желаемой цели, то правилом целесообразности является испробовать наиболее вероятный

курс. Если собеседник видит, что друг совершает грех, и по прошлому опыту знает, что увещания возбуждают гнев и упрямство, в то время как взгляд, полный молчаливой печали и неодобрения, гораздо больше способствует предотвращению зла, целесообразность и долг требуют молчания, а не возражений.

Также бывают случаи, когда различия в возрасте, положении и характере препятствуют любому вмешательству с целью изменения поведения и характера других людей.

Няня может видеть, что отец плохо обращается со своими детьми и жестоко обращается со своей женой. Но ее положение не позволяет ей делать упреки. Это тот случай, когда обличение принесло бы не пользу, а только зло.

Таким образом, в сообществах уместность и прямота принимаемых мер могут определяться не правилами долга, которые должны управлять теми, кто должен отказаться от греха, а вероятностью хороших или дурных последствий.

Аболиционисты, похоже, упускают из виду это различие. Они создают добровольные ассоциации в свободных штатах, чтобы убедить своих сограждан в грехах других людей в других сообществах. Их обвиняют и выступают против них, потому что их меры считаются нецелесообразными и рассчитаны на увеличение, а не уменьшение зла, которое необходимо излечить.

В свою очередь, они показывают, что рабство - это грех, от которого следует немедленно отказаться, и, по-видимому, полагают, что из этого следует правильный вывод, что они сами должны участвовать в системе агитации против него, и что им нет необходимости спрашивать, увеличит или уменьшит зло проповедь истины тем способом, который они предлагают. Они предполагают, что всякий раз, когда совершается грех, не только грешник должен немедленно прекратить это, но и все его собратья-грешники обязаны принять меры, чтобы заставить его прекратить, и принять меры без какой-либо ссылки на вероятность успеха.

То, что это правильное представление взглядов аболиционистов в целом, очевидно из их периодических изданий и бесед. Все их замечания о проповеди истины и оставлении последствий на усмотрение Бога, все их обесценивание доктрины целесообразности становятся релевантными только благодаря этому предположению.

Впечатление, производимое их писаниями, таково, что Бог установил правила долга; что все люди в любых случаях должны протестовать против нарушения этих правил; и что Бог возьмет на себя ответственность за то, чтобы этот путь принес пользу; так что мы сами освобождены от необходимости интересоваться вероятными результатами.

Если это не теория долга, принятая этой ассоциацией, то они придерживаются общей позиции с теми, кто выступает против их мер, а именно: правильность и обязанность данного курса должны определяться *вероятностями относительно его результатов*; и эти вероятности должны определяться *известными законами разума и записями прошлого опыта*.

Можно занимать только одну из двух должностей. Либо что долг всех людей - всегда протестовать против любых нарушений долга и оставлять последствия на усмотрение Бога; либо что люди должны использовать свое суждение и выступать с протестом только в такое время, в таком месте и таким образом, которые обещают наилучшие результаты.

То, что аболиционисты не занимали вторую из этих позиций, должно быть очевидно всем, кто читал их документы. Поэтому было бы неразумно и неправильно вступать в ассоциацию, которая поддерживает принцип, ложный сам по себе, и тот, который, если его претворять в жизнь, приведет к гневу и раздорам, а также ко всякому злостному слову и поступку.

Другая причина, и самая важная из всех, против продвижения планов аболиционистов, связана с главным вопросом — *какова вероятность результатов их движений?* Единственный способ судить о будущих результатах определенных мер - это использовать известные законы разума и зарегистрированный опыт прошлого.

Итак, какое зло следует излечить?

Рабство в этой Стране.

Что этому злу не за горами конец, таково единодушное мнение всех, кто либо замечает тенденции эпохи, либо верит в библейские пророчества. Все, кто действует по христианским принципам в отношении рабства, верят, что в определенный период (по разным оценкам) оно закончится. Таким образом, единственный вопрос относительно выгод, которые можно получить, или зла, которого следует опасаться при нынешнем волнении этой темы, касается *времени* и *способа* ее исчезновения. Аболиционисты утверждают, что их метод положит этому конец в кратчайшие сроки и самым безопасным и наилучшим образом. Их оппоненты считают, что это приведет к прекращению войны, если вообще приведет, в самый отдаленный период и самым опасным способом.

Поскольку ни одна из сторон не одарена предвидением, и поскольку Божество не сделало никаких откровений относительно будущих результатов каких-либо данных мер, все средства суждения, которые остаются нам, как уже говорилось, - это законы разума и записи прошлого.

Таким образом, позиция, которую я хотел бы утвердить, заключается в том, что метод, используемый аболиционистами, является тем методом, который, согласно законам разума и прошлому опыту, с наименьшей вероятностью приведет к тем результатам, к которым они стремятся. Общее утверждение таково.

Цель, которую необходимо достичь, заключается в следующем:

Первый. Убедить определенное сообщество в том, что они совершают великий грех, и

Во-вторых. Чтобы заставить их отказаться от этого.

Метод, используемый для достижения этой цели, заключается в том, что добровольные ассоциации в иностранном сообществе стремятся возбудить общественное мнение против лиц, совершивших зло; демонстрируют чудовищность преступления в полной мере, без смягчения, оправдания или сочувствия, посредством периодических изданий и агентов, циркулирующих не в сообществе, совершающем грех, а в том, которое его не практикует.

Теперь не отрицается, что этот метод может в сочетании с другими причинами повлиять на прекращение рабства. Но считается, и исходя из следующих соображений, что оно меньше всего рассчитано на то, чтобы приносить *добро*, и что оно влечет за собой величайшее зло.

Известный закон разума, впервые проявленный в детском саду и школе, а затем развитый в обществе, гласит, что человек с наименьшей вероятностью сможет правильно судить об истине и с наименьшей вероятностью подчинится долгу, когда возбужден страстью.

Это закон опыта, согласно которому, когда совершается зло, если стремятся к покаянию и исправлению, тогда любовь и доброта, смешанные с увещеваниями, исходящие от того, кто имеет *право* говорить, имеют больший успех, чем упреки и презрение от других, которых не любят и на которых смотрят как на дерзких злоумышленников.

В детской, если ребенок поступает неправильно, презрительный жест, язвительный выговор или даже справедливый и заслуженный выговор равных заставит юного виновника только гневно нахмуриться и, возможно, повторить и усугубить травму. Но голос материнской любви или даже нежные увещевания старшей сестры могут вызвать слезы печали и раскаяния.

Так и в обществе. Пусть враги человека или те, кто не заинтересован в его благополучии, объединятся, чтобы упрекать и поносить его проступки, и никаких признаков раскаяния не будет видно. Но пусть священнослужитель, которого он уважает и любит, или его закадычный друг приблизятся к нему с добротой, снисхождением и истинной искренностью, и все, что возможно для человеческой воли, будет сделано.

Таким образом, опыт подсказывает, что, когда людей нужно отвратить от зла и привести к покаянию и исправлению, вмешиваться должны только те, кого больше всего любят и уважают и кто имеет наибольшее право приблизиться к преступнику. Хотя, с другой стороны, упреки со стороны тех, кого считают навязчивыми и враждебными или даже безразличными, принесут больше вреда, чем пользы.

Это еще одна максима опыта, гласящая, что подобные отношения с заблудшими должны быть частными, а не публичными. В тот момент, когда человека публично упрекают, стыд, гнев и гордость своим мнением - все это в совокупности заставляет его защищать свою практику и отказываться либо признавать себя неправым, либо прекращать свои дурные поступки.

Аболиционисты нарушили все эти законы разума и опыта, имея дело со своими южными собратьями.

Их поведение было рассчитано на то, чтобы пробудить гнев, страх, гордыню, ненависть и все страсти, которые, скорее всего, ослепят разум от истины и отвращут его от долга.

Они не обращались к ним в духе любви, вежливости и снисхождения.

Они не являются теми людьми, которых Юг рассматривал бы как имеющих какое-либо *право* вмешиваться; и поэтому, независимо от того, имеют они такое право или нет, вероятность добра исключается. Ибо не только в интересах правонарушителя требуется, чтобы действительно существовало право, но необходимо, чтобы он чувствовал, что такое право существует.

В общении со своими собратьями они также не прибегали к тихим, уединенным мерам. Это было публичное разоблачение преступления и позора в газетах, адресованное как бы сторонним наблюдателям, чтобы пробудить виновных.

В ответ на это утверждалось, что люди не могут ехать на Юг — что их там убьют — что единственный способ - убедить Север и возбудить общественную ненависть к грехам Юга, и таким образом постепенно последуют осуждение, раскаяние и реформация.

Вот еще один случай, когда люди должны судить о своем долге, оценивая вероятности будущих результатов; и прежде всего можно заметить, что он включает принцип целесообразности именно в той форме, против которой возражают аболиционисты.

Допускается, что немедленная отмена рабства должна быть произведена посредством "света и любви", и все же сохраняется право лично удалиться с поля боя из-за *последствий*; из-за вероятной приближающейся опасности. "Если мы отправимся на Юг и представим истину, аргументы и мольбы, *мы будем убиты*, и поэтому мы не обязаны идти". Если это оправдывает аболиционистов в их пренебрежении к своим братьям-обидчикам, потому что они боятся пагубных последствий для себя, это также оправдывает тех, кто отказывается действовать вместе с аболиционистами в их мерах, потому что они боятся других пагубных последствий.

Но какие есть доказательства того, что, если бы аболиционисты избрали другой метод, более соответствующий законам разума и велениям опыта, на Юге не было бы всего этого насилия? До начала движения за отмену смертной казни как северяне, так и южане свободно выражали свои взгляды на Юге. Опасности, пороки и пагубность рабства были выставлены напоказ и обсуждались даже в законодательных собраниях более чем одного из Южных штатов, и многие умы с тревогой разрабатывали меры, чтобы положить конец этому злу.

Теперь давайте посмотрим на некоторые записи о прошлом опыте. Кларксон был первым человеком, посвятившим себя делу отмены смертной казни в Англии. Его целью было убедить народ Англии в том, что они были виновны в большой невежливости и грехе, разрешая работорговлю. Ему предстояло встретиться с силой общественных настроений, властью, эгоизмом и богатством, которые поддерживали это *движение* в этой стране. Каковы были его меры? Он поехал в Швецию, Россию или Францию не для того, чтобы пробудить общественное мнение против грехов англичан. — Он начал с того, что впервые опубликовал в Англии исследование о том, правильно ли захватывать людей и превращать их в рабов. Он ненавязчиво обратился к некоторым из лучших и наиболее набожных тамошних людей и попытался заинтересовать их исследованием.

Затем он опубликовал статью о неблагоприятности работорговли, показав ее недостатки. Затем он собрал информацию о зле и чудовищах, связанных с уличным движением, и спокойно общался с теми, кто, скорее всего, руководствовался мотивами гуманности и христианства. Таким образом, он трудился более четырнадцати лет, постепенно внедряя закваску среди хороших людей, пока не собрал благородную группу патриотов и христиан во главе с Уилберфорсом.

Следующий отрывок из мемуаров Кларксона раскрывает манеру и дух, с которыми он начал свое предприятие и с трудом добился его завершения.

В 1785 году доктор Пекхард, вице-канцлер университета, глубоко впечатленный беззаконием работорговли, объявил тему латинской диссертации для старших бакалавров гуманитарных наук: "*Anne liceat invitos in servitutem dare?*" "Правильно ли делать рабами других против их воли?" Какими бы благожелательными ни были чувства вице-канцлера и каких бы сильных и ясных мнений он ни придерживался о торговле людьми, вероятно, он не думал, что это

обсуждение обеспечит для столь дорогого его сердцу объекта столь просвещенные и эффективные усилия и пропаганду, которые следует продолжать до тех пор, пока его страна не объявит, что не только работорговля, но и само рабство должно прекратиться.

"Мистер Кларксон, получивший в предыдущем году первую премию за диссертацию по латыни, естественно, стремился сохранить свое почетное положение; и в течение нескольких прошедших недель не жалели усилий на сбор информации и доказательств. Важные факты были почерпнуты из Исторического отчета Энтони Бенезета о Гвинее, который мистер Кларксон поспешил приобрести в Лондоне. Получив эти и другие ценные сведения, он приступил к выполнению своей трудной задачи. Как это было достигнуто, он сообщает нам таким образом.

"Ни один человек, - заявляет он,^[1] "не может описать, каким суровым испытанием стало для меня это написание. Я ожидал получить удовольствие от выдумывания аргументов, от их расположения, от того, что я свожу их воедино, а тем временем от мысли, что я участвую в невинном состязании за литературную честь. Но все мое удовольствие было омрачено фактами, которые теперь постоянно находились передо мной. Это была всего лишь одна мрачная тема с утра до вечера. Днем мне было беспокойно; ночью я почти не спал. Иногда я так и не сомкнул век от горя. Теперь это стало испытанием не столько для академической репутации, сколько для создания работы, которая могла бы быть полезна пострадавшей Африке. И, постоянно помня об этой идее после прочтения Бенезета, я всегда спал со свечой в своей комнате, чтобы иметь возможность встать с постели и записать все мысли, которые могли прийти мне в голову ночью, если я считал их ценными, полагая, что ни один важный аргумент не должен быть потерян ради такого великого дела. Наконец, выполнив эту мучительную задачу, я отправил свое эссе вице-канцлеру и вскоре после этого был удостоен, как и прежде, первой премии.

"Поскольку вскоре после присуждения премии эти эссе обычно читаются публично в сенате, меня вызвали в кембридж для этой цели. Я поехал и исполнил свою обязанность. Однако по возвращении в Лондон тема этого почти полностью поглотила мои мысли. В дороге я временами очень серьезно переживал. Время от времени я останавливал лошадь, спешивался и шел пешком. В эти промежутки времени я часто пытался убедить себя, что содержание моего эссе не может быть правдой. Однако чем больше я размышлял о них, или, скорее, об авторитетах, на которых они были основаны, тем больше я им доверял. Завидев Уэйд-Милл в Хартфордшире, я безутешно опустился на траву у обочины дороги и придержал лошадь. Тут мне в голову пришла мысль, что если содержание Эссе было правдой, то пришло время кому-нибудь увидеть, как этим бедствиям приходит конец. Взволнованный таким образом, я добрался домой. Это было летом 1785 года.

"В течение осени того же года я испытал похожие впечатления. Я часто уходил в лес, чтобы поразмыслить на эту тему в одиночестве и найти там облегчение для своего ума. Но там все еще повторялся вопрос: "Правда ли все это?" И все же ответ последовал так же мгновенно: "Да". И все же результат сопровождал его: "Тогда, несомненно, кто-то должен вмешаться". Тогда я начал завидовать тем, у кого были места в парламенте, кто обладал огромным богатством и широко разветвленными связями, которые позволили им взяться за это дело. В то время я почти не находил никого, кто думал бы об этом, и часто обращался к самому себе. Но здесь возникало много трудностей. Среди прочего, меня поразило, что молодой человек всего двадцати четырех лет от роду не мог обладать тем твердым суждением или знанием людей, манер и прочего, которые были необходимы для того, чтобы дать ему право взяться за дело такого масштаба и

важности: и с кем я должен был объединиться? Я также полагал, что это настолько похоже на один из притворных подвигов Геракла, что мое понимание было бы заподозрено, если бы я предложил это. Однако, поразмыслив над этим вопросом, я пришел к выводу, что по крайней мере одна вещь осуществима, и что это также в моей власти. Я мог бы перевести свою диссертацию на латыни. Я мог бы с пользой расширить ее. Я мог видеть, как общественность восприняла это, или насколько они были склонны одобрять любые серьезные меры, которые должны были привести к отмене работорговли. Итак, я принял решение; и в середине ноября 1785 года я приступил к своей работе".

"Таков характерный и простодушный отчет, данный Кларксоном о его введении к тому произведению, которому была посвящена энергия его жизни, и в связи с которым и с описанием, откуда была сделана приведенная выше выдержка, один из самых доброжелательных и одаренных писателей нашей страны[2] справедливо заметил:—

"Эта интересная история рассказана не потомком, а современником; не сторонним зрителем, а участником состязания; и из всех многочисленных участников человеком, признанным самым умелым; человеком, чьи беспримерные труды в этом деле любви и опасности оставляют в сознании размышляющего читателя глубокое сомнение, что из двух было бы большим конечным приобретением для морального мира — устранение зла или приведенное таким образом доказательство того, каких могущественных результатов одинокие добрые люди могут достичь самоотверженностью и самоотдачей". настойчивость".

"Когда мистер Кларксон отправился в Лондон, чтобы опубликовать свою книгу, он был представлен многим друзьям дела отмены смертной казни, которые помогли распространить ее широким тиражом. Работая таким образом, он получил приглашение, которое принял, посетить преподобного Джеймса Рамзи, викария Тестона в Кенте, который девятнадцать лет прожил на острове Сент-Кристофер.

Вскоре после этого, обедая однажды у сэра Чарльза Миддлтона (впоследствии лорда Барэма), разговор зашел на эту тему, и мистер Кларксон заявил, что готов посвятить себя этому делу. Это признание вызвало большую поддержку со стороны компании, и сэр К. Миддлтон, тогдашний контролер военно-морского флота, предложил всяческую помощь. Друзей у мистера Кларксона прибавилось, и это побудило его продолжать. Доктор Портеус, в то время епископ Честерский, и лорд Скарсдейл получили место в Палате лордов. Мистер Беннет Лэнгтон и доктор Бейкер были знакомы со многими членами обеих палат парламента; на почтенных Грэнвилла Шарпа, Джеймса и Ричарда Филлипсов, можно было положиться, а также на все Общество друзей, со многими из которых его представил мистер Джозеф Хэнкок, его земляк. Собирая информацию по всем направлениям, мистер Кларксон поднялся на борт нескольких судов, занимающихся торговлей с Африкой, и раздобыл образцы природных продуктов этой страны. Красота ткани, изготовленной из африканского хлопка, и т. Д. Усилили его оценку мастерства и изобретательности людей и придали новый стимул его усилиям ради них. Затем он посетил невольничий корабль; помещения внизу, решетки наверху и баррикада поперек палубы с объяснением их назначения, хотя вид их наполнил его печалью и ужасом, придали новую энергию всем его движениям. В своих неутомимых попытках собрать свидетельства и факты он посетил большинство морских портов королевства, преследуя свою великую цель с непобедимым рвением, хотя иногда и с риском для жизни. Следующее обстоятельство, среди

прочих, свидетельствует о выдающейся степени, в которой он обладал тем неутомимым упорством, от которого часто зависит успех большого предприятия.

"У Кларксона и его друзей были основания опасаться, что рабы, доставленные из внутренних районов Африки по определенным рекам, были похищены; и было сочтено очень важным установить этот факт. Однажды мой друг упомянул мистеру Кларксону, что более двенадцати месяцев назад он видел моряка, который плавал по этим рекам. Имя моряка было неизвестно, и все, что мог сказать друг, это то, что он направлялся к какому-то военному кораблю в обычной форме или принадлежал к нему. Показания этого человека были важны, и с помощью своего друга сэра Чарльза Миддлтона, который разрешил ему подниматься на борт всех военных кораблей обычным порядком, мистер Кларксон приступил к своим поискам: начав с Дептфорда, он успешно посетил Вулвич, Чатем, Ширнесс и Портсмут; по ходу дела изучая различных лиц на борту более чем двухсот шестидесяти судов, но так и не обнаружив объекта своих поисков. Чувства, с которыми продолжались поиски, и успех, которым они увенчались, он сам описал так:

"Теперь все стало выглядеть довольно обескураживающе, я имею в виду, в том, что касалось моей великой цели. Оставался только один другой порт, и он находился на расстоянии от двухсот до трехсот миль. Однако я решил отправиться в Плимут. Я уже добился большего успеха в этом туре с точки зрения получения общих свидетельств, чем в любом другом туре такой же продолжительности; и была вероятность, что, поскольку я буду продолжать общаться с людьми того же типа, мой успех будет в той же пропорции, в зависимости от количества посещений. Это было большим стимулом для меня продолжать. Наконец я прибыл к месту моей последней надежды. В первый день моей экспедиции я поднялся на борт сорока судов, но не нашел на них никого, кто занимался работорговлей у берегов Африки. Один или двое были там на королевских кораблях, но они никогда не бывали на берегу. Теперь все близилось к завершению; и, несмотря на мой успех, по общему признанию, в этом путешествии, мое сердце забилося сильнее. Ночью я был неспокоен. На следующее утро я снова почувствовал волнение между чередующимися чувствами надежды и страха; и в таком состоянии я вошел в свою лодку. Пятьдесят седьмым судном, на борт которого я поднялся, был фрегат "Мелампус". Один из членов экипажа, осмотрев его в капитанской каюте, сказал, что он дважды плавал в Африку; и я недолго беседовал с ним, прежде чем обнаружил, к своей невыразимой радости, что это тот самый человек. Я также обнаружил, что он разрешил спорный вопрос именно так, как это было определено нашими выводами. Он совершил две экспедиции вверх по реке Калабар на туземных каноэ. В первом из них они подошли на некоторое расстояние к деревне; затем спрятались под кустами, которые свисали с берегов над водой. В таком положении они оставались при свете дня; но ночью они подошли к нему вооруженные и схватили всех жителей, которые не успели убежать. Таким образом они захватили сорок пять человек. Во втором случае они отсутствовали восемь или девять дней, когда предприняли аналогичную попытку и почти с таким же успехом. Они схватили мужчин, женщин и детей, которых смогли найти в хижинах. Затем они связали им руки и погнали их перед собой к каноэ. Имя человека, которого таким образом обнаружили на борту "Мелампуса", было Айзек Паркер. Расспросив капитана дивизиона о его характере, я нашел его в высшей степени респектабельным. Позже я узнал также, что он совершил кругосветное плавание с капитаном Куком, сделав себе большое честь. Примечательно также, что мой брат, увидев его в Лондоне, когда он отправился давать

показания, узнал в нем служившего на борту военного корабля "Монарх" и одного из самых образцовых людей на этом корабле".

"Мистер Кларксон в начале своей карьеры познакомился с мистером Уилберфорсом. При их первой беседе последний откровенно заявил, "что объект часто использовал свои мысли и был близок его сердцу", и, узнав о намерении своего посетителя посвятить себя этой благой цели, поздравил его с его решением; пожелал быть ознакомленным с его успехами, выразив, в свою очередь, готовность оказать любую помощь, которая в его силах. В своих общениях с членами парламента мистер Кларксон теперь часто общался с мистером Уилберфорсом, который с каждым днем все больше интересовался судьбой Африки. Общение двух филантропов было взаимно сердечным и обнадеживающим; мистер Кларксон делился своими открытиями на таможнях Лондона, Ливерпуля и других мест, а мистер Уилберфорс делился информацией, полученной от тех, с кем он общался.

В 1788 году мистер Кларксон опубликовал свою важную работу о недопустимости работорговли.

В 1789 году этот неутомимый человек отправился во Францию по совету Комитета, в создании которого он сыграл важную роль два года назад; мистер Уилберфорс, всегда заботящийся о благе угнетенных африканцев, придерживался мнения, что беспорядками в этой стране можно воспользоваться, чтобы побудить тамошних ведущих лиц принять работорговлю к сведению и включить ее в число злоупотреблений, подлежащих устранению. Несколько друзей мистера Кларксона посоветовали ему путешествовать под другим именем, поскольку в Англию дошли сведения о бесчинствах, имевших место в Париже; но с этим он согласиться не мог. По прибытии в этот город он был быстро представлен тем, кто благосклонно относился к великой цели его жизни; и в доме мсье Неккера пообедал с шестью цветными депутатами от Сан-Доминго, которые в это время были командированы во Францию, чтобы потребовать, чтобы свободные цветные люди в их стране были уравнены с белыми. Их общение с английским филантропом было важным и интересным; они приветствовали его как своего друга и щедро хвалили его поведение.

"Экземпляры Эссе о неблаговидности работорговли, переведенные на французский язык, с гравюрами плана и секции невольничьего судна, были распространены с очевидным успехом. Добродетельный аббат Грегуар и несколько членов Национального собрания обратились к мистеру Кларксону. Архиепископ Эксский был так поражен ужасом, когда ему показали план корабля работорговцев, что едва мог говорить; и Мирабо приказал сделать его деревянную модель в своей столовой.

"Распространение разведданных, хотя и способствовало приобретению многих друзей, вызвало чрезвычайные усилия врагов. Торговцы и другие лица, заинтересованные в продолжении работорговли, писали письма архиепископу Эксскому, умоляя его не разорять Францию; что, по их словам, он неизбежно сделал бы, если бы как президент выделил день для рассмотрения вопроса об отмене рабства. Мирабо были предложены деньги, если он полностью откажется от своего намерения. Были распространены книги, выступающие против деятельности мистера Кларксона; пришлось обратиться к общественным газетам, и его обвинили в шпионаже. Шум, поднятый этими попытками, распространился по всему Парижу и достиг ушей короля. Г-н Неккер долго беседовал по этому поводу со своим королевским хозяином, который попросил показать ему Эссе и образцы африканских мануфактур и уделил им немало времени, будучи удивленным состоянием тамошнего искусства. Г-н Неккер не стал выставлять часть корабля с

рабами, думая, что, поскольку король был нездоров, на него это могло слишком сильно подействовать. Луи вернул образцы, поручив месье Неккеру передать свою благодарность мистеру Кларксону и выразить свое удовлетворение тем, что он увидел.

На данный момент, по-видимому, визит не принес никакой решающей пользы: но, хотя мистер Кларксон был сильно подавлен своим неудачным визитом во Франции, он продолжал свои труды, пока чрезмерное напряжение, соединенное с повторяющимися и горькими разочарованиями, не подорвало его здоровье и после упорной борьбы не восстановило конституцию, от природы крепкую и энергичную, неподвластную большинству людей в целом, но подорванную тревогой и усталостью, а также печальной вероятностью, часто навязываемой его пониманию, что все, возможно, в конце концов было напрасно. Обуреваемый этими чувствами, он удалился в 1794 году на прекрасные берега Уллсуотера, чтобы искать там отдыха, который без опасности для его жизни больше нельзя было откладывать.

В течение семи лет он поддерживал переписку с четырьмя сотнями человек; ежегодно он писал книгу на тему отмены смертной казни и преодолевал более тридцати пяти тысяч миль в поисках доказательств, совершая большую часть этих поездок по ночам. "Все это время, - пишет м-р Кларксон, - мой разум был напряжен; он был слишком сосредоточен на этом одном предмете, потому что у меня даже не было времени заняться своими собственными заботами. Различные примеры варварства, которые последовательно доходили до моего сведения в течение этого периода, раздражали, изводили и поражали его. Рана, нанесенная этим, стала еще глубже из-за неоднократного отказа людей давать свои показания после того, как я проехал сотни миль в поисках их. Но самым серьезным ударом было то, что было нанесено преследованием, начатым и продолжаемым лицами, заинтересованными в продолжении торговли, тех свидетелей, которые были допрошены против них; и которых, из-за их зависимого положения в жизни, было легче всего притеснить. Поскольку я был средством привлечь их внимание в этих случаях, они, естественно, пришли ко мне как к виновнику своих страданий и разорения.^[3] Эти различные обстоятельства, действуя сообща, в конце концов привели меня в только что упомянутую ситуацию; и поэтому я был вынужден, хотя и с большой неохотой, покинуть поле, где я оказал великую честь и прославил свою жизнь".

Именно при таком пополнении сил, истощенных конфликтом, Кларксон и группа соотечественников, с которыми он был связан в долгой и трудной борьбе, увенчались победой и получили благодарное вознаграждение за свой почетный труд по окончательной отмене работорговли британской нацией в 1807 году, что стало последним, но самым славным деянием администрации Гренвилла.

Предыдущее показывает кое-что из карьеры Кларксона, когда он пытался убедить народ Великобритании в беззаконии *их собственной* торговли, торговли, которую они имели право отменить. Все это время Кларксон, Уилберфорс и их коллеги избегали касаться вопроса *рабства*. Они знали, что чего-то нужно добиваться одновременно, и из соображений целесообразности избегали обсуждения долга британской нации в отношении системы рабства в своих колониях, которая была полностью под их собственным контролем. В течение всего времени, которое было потрачено на попытки положить конец работорговле, рабство существовало под контролем британского народа, и все же Кларксон и Уилберфорс решили, что было бы правильно оставить этот вопрос в покое.

Ниже показаны действия Кларксона после того, как британская нация отменила работорговлю.

"Публикацией своих мыслей об отмене рабства мистер Кларксон показал, что ни он, ни те, кто связан с ним, не считали свою работу выполненной, когда законы его страны связывали с ее преступниками тех, кто занимался гнусной торговлей рабами. Но усилия мистера Кларксона не ограничивались его пером. В 1818 году он отправился в Экс-ла-Шапель, как раз в то время, когда правители Европы собирались в конгресс. Он был принят с заметным вниманием российским императором, который выслушал его заявления (касающиеся *работоторговли*) и пообещал использовать свое влияние на собравшихся монархов, чтобы обеспечить полное пресечение торговли людьми как можно быстрее. Описывая свою беседу с этим любезным монархом, в ходе которой обсуждался вопрос об обществах мира, а также об отмене работоторговли, мистер Кларксон в письме другу так пишет:

"Было около девяти вечера, когда меня провели в апартаменты императора. Я застал его одного. Он встретил меня в дверях и, пожимая мне руку, сказал: "Я имел удовольствие познакомиться с вами в Париже". Затем он провел меня немного в глубь комнаты и, оставив меня там, сам принес мне стул и предложил сесть. Сделав это, он пошел за другим стулом и, придвинув его вплотную к моему, сел рядом со мной, так что мы сели друг напротив друга.

Я начал разговор с сообщения императору, что, поскольку я предполагал, что конгресс в Экс-ла-Шапель, возможно, станет последним конгрессом монархов для урегулирования дел Европы, ее связей и зависимостей, я воспользовался любезным разрешением, которое он дал мне в Париже, обратиться к нему от имени угнетенных африканцев, не желая упускать последнюю возможность оказать ему услугу общему делу.

Император ответил, что он прочитал и мое письмо, и мое обращение к государям и что то, о чем я просил его и других государей, было единственно разумным.

"Здесь я повторил два важных положения из обращения — необходимость перенести португальское время для продолжения торговли (которое истекало только в 1825 году, и то только с условием) на испанское время, которое истекло в 1820 году; и, во-вторых, когда два срока должны были юридически истечь (то есть оба в 1820 году), тогда продолжать *пиратство*. Я умолял его не обманываться никакими другими предложениями, поскольку мистер Уилберфорс, я и другие, посвятившие свое время этому вопросу, были уверены, что никакие другие меры не окажутся эффективными.

Затем он с большим чувством произнес следующие слова: "По провидению божьему я и мое королевство были спасены от безжалостной тирании (имея в виду вторжение наполеона), и я едва ли отплатил бы за это благословение, если бы не делал все, что в моих силах, чтобы защитить бедных африканцев от их угнетения".

Затем император спросил, может ли он сделать что-нибудь еще для нашего дела. Я сказал ему, что он может; и что я был бы ему очень признателен, если бы он собственноручно *вручил одно из обращений императору Австрии, а другое королю Пруссии*. Я специально принес два из них в кармане. Он спросил меня, почему я не подарил их раньше. Я ответил, что не имел чести знать ни одного из этих государей так, как я знал его; ни кого-либо из их министров; и что я не только опасался, что эти обращения не будут представлены им, но даже если бы они были представлены, то, попав в их руки без какой-либо рекомендации, они были бы отложены в сторону и не прочитаны; с другой стороны, если бы он (император) снизошел до их представления, я был уверен, что они были бы прочитаны, и что, исходя от него, они имели бы

весомое влияние, которое привлекло бы внимание к их содержанию. После этого император пообещал в самой доброй и приветливой форме, что выполнит задачу, которую я ему поручил.

Затем мы поднялись со своих мест, чтобы осмотреть некоторые изделия мануфактуры, которые я принес с собой в подарок ему и которые были разложены на столе. Сначала мы осмотрели изделия из кожи, одно за другим, чем он остался необычайно доволен. Он сказал, что они демонстрируют не только гениальность, но и вкус. Он спросил, дубят ли они кожу сами и как: я ответил на его вопрос. Он сказал, что никогда не видел более аккуратной работы ни в Петербурге, ни в Лондоне. Затем он посмотрел на кинжал и его ножны. Я сказал, что ножны были задуманы как еще один, но более красивый образец работы бедных африканцев из кожи, а лезвие их кинжала - как образец их работы из железа. Затем мы обратили внимание на их работы из хлопка. Была одна вещь, которая привлекла его особое внимание и которая, несомненно, была очень красивой. Это вызвало у него следующее замечание: "Манчестер, - сказал он, - я думаю, что это ваше отличное место для мануфактур такого рода — как вы думаете, могли бы они производить там хлопок получше?" Я сказал ему, что никогда и нигде не видел лучшего изделия подобного рода. Просмотрев все изделия, император пожелал, чтобы я сообщил ему, следует ли ему понимать, что эти изделия были изготовлены африканцами в их собственной стране, то есть в их родных деревнях, или *после того, как они прибыли в Америку*, где у них будет возможность увидеть европейские мануфактуры и опытных мастеров в искусстве? Я ответил, что подобные изделия можно найти в каждой африканской деревне, как на побережье, так и в глубине страны, и что они являются образцами их собственной изобретательности, не имеющей никакого отношения к европейцам. "В таком случае, - сказал император, - вы удивляете меня — вы дали мне новое представление о положении этих бедных людей. Я не знал, что они были настолько развиты в обществе. Работы, которые вы мне показали, созданы не животными, а людьми, наделенными рациональными и интеллектуальными способностями и способными достичь такой же высокой степени мастерства, как и любые другие люди. *Африка должна иметь неплохой шанс возвысить свой авторитет в глазах цивилизованного мира.*" Я ответил, что только эта жестокая торговля помешала Африке подняться до уровня других наций; и что для меня только удивительно, что тамошние туземцы под ее пагубным влиянием достигли совершенства, проявившегося в образцах ручной работы, которые он только что видел".

Воодушевленный растущей убежденностью в правоте дела, которым он занимался, и воодушевленный успехом, которым увенчались прошлые начинания, мистер Кларксон продолжил свое эффективное сотрудничество с организацией "Друзья отмены смертной казни", отстаивая ее требования при всех подходящих случаях.

Было бы излишним перечислять шаги, благодаря которым еще до того, как достопочтенный Уилберфорс был призван на покой, это славное событие осуществилось, и Кларксон увидел, что великая цель его собственной жизни и тех, с кем он действовал, была триумфально достигнута. Благодарность, которую лелеял Верховный правитель за благо, оказанное таким образом угнетенным, удовлетворение, которое давал обзор прошлых усилий, были усилены радостным сочувствием значительной части его соотечественников.^[4]

"История отмены работорговли", написанная самим Кларксоном, представляет собой более подробный отчет о его собственных трудах и трудах других, и тот, кто прочтет ее, заметит

следующие особенности, в которых эти усилия отличались от движения за отмену рабства в Америке.

Во-первых, его проводили одни из самых мудрых и талантливых государственных деятелей, а также самые набожные люди британской нации. Питт, Фокс и некоторые представители высшей знати и епископы Англии с самого начала были самыми верными друзьями этого предприятия. Ею руководили люди, обладавшие интеллектом, знаниями, осмотрительностью и мудростью, необходимыми для столь грандиозного предприятия.

Во-вторых. Оно проводилось медленно, мирно и в высшей степени разумно.

В-третьих. Оно в полной мере включало доктрину целесообразности, осуждаемую аболиционистами.

Одним из первых решений "Комитета по отмене работорговли", который руководил всеми движениями за отмену рабства, было то, что *рабство* не должно подвергаться нападкам, а только *работорговля*; и Кларксон прямо говорит, что именно благодаря этому, больше, чем какой-либо другой мере, был достигнут успех.

В-четвертых. Хороших людей не разделяли и не бросали в противоборствующие партии.— Противниками этой меры были только те, кто был лично заинтересован в сохранении рабства или работорговли.

В-пятых. Эта попытка была направлена на то, чтобы убедить людей в их *собственных* обязательствах, а не на то, чтобы пробудить общественное мнение против греховных обычаев другого сообщества, над которыми они не имели никакого контроля.

Теперь я хотел бы спросить, почему какой-нибудь джентльмен с юга, такой, например, как мистер Бирни, чьи манеры, образование, характер и привычки дают ему массу возможностей, не мог сыграть роль Кларксона и спокойно отправиться работать на Юг, собирая факты, демонстрируя невежливость и пороки хорошим людям на Юге, у камина в "плантаторе", известном доме гостеприимства и рыцарства. Почему он не мог начать с самого уязвимого места, *свнутренней работорговли*, оставив эмансипацию на будущее и более благоприятный период? Какое право имеет кто-либо утверждать, что не было южного Уилберфорса, который восстал бы, не было южного Гранта, Маколея или Шарпа, которые, подобно английским филантропам, выдержали бы яростные удары гневных волн и терпением, добротой, аргументами, фактами, красноречием и христианской любовью убедили бы скептиков, просветили невежественных, возбудили доброжелательность и, наконец, добились успеха на Юге теми же средствами и мерами, которые обеспечили успех в Англии? Весь опыт свидетельствует в пользу метода, который отвергли аболиционисты, потому что он сопряжен с *опасностью для них самих*. Дело, которое они выбрали, стоит особняком.— Ни одно аналогичное дело на земле не может быть приведено для его поддержания с вероятностью хороших результатов. Невозможно найти ни одного примера, когда возбуждение общественных настроений одного сообщества против порочных практик в другом когда-либо становилось средством искоренения этого зла. Все законы разума, все свидетельства опыта идут вразрез с мерами, принятыми аболиционистами, и в пользу того, что они отвергли. И когда мы смотрим еще дальше вперед, на результаты, которые должно развить время, как обстоят дела с вероятностями, когда мы, оценивая, снова принимаем в качестве данных законы разума и записи опыта?

Каковы планы, надежды и чаяния аболиционистов в отношении их мер? Сейчас они трудятся над тем, чтобы превратить Север в великое Общество отмены рабства, убедить каждого северянина в том, что рабство на Юге - великий грех и что ему следует немедленно положить конец. Предположим, они добьются этого в той мере, в какой надеются, — насколько мы видели, чем больше Север убежден, тем решительнее Юг отвергает свет и отворачивается от истины.

Пока не существовало Обществ отмены рабства, на Юге люди могли говорить и писать против зла рабства, а северяне имели свободный доступ и свободу слова, как на Юге, так и на Севере. Но теперь все изменилось. Все пути, ведущие на Юг, закрыты. Ни одна газета, памфлет или проповедник, затрагивающие эту тему, не допускаются в их пределы. Их собственные граждане, которые когда-то трудились и протестовали, замолчали; их собственное духовенство, под влиянием возмущенных чувств своего народа, а также их собственного сочувствия и ощущения неправоты, либо полностью хранят молчание, либо становятся защитниками системы, которую они когда-то оплакивали и пытались положить конец. Это свидетельство опыта относительно тенденций аболиционизма в том виде, в каком они развивались на данный момент. Южане сейчас находятся как раз в том состоянии, сильнее всего раздражения из-за чувства бессмысленной обиды и дерзкого вмешательства, которое делает влияние истины и разума наиболее бесполезным и бессильным.

Но предположим, что аболиционистам удастся не только сделать аболиционистами северян, но и послать часть света на Юг, например, сформировать там группу аболиционистов. Что нужно сделать, чтобы положить конец рабству на Юге? Она заключается в том, чтобы *изменить законы*, и для этого небольшое меньшинство должно начать долгий, ожесточенный, ужасный конфликт с могущественным и раздраженным большинством. Итак, если, как надеются аболиционисты, на Юге возникнет такое меньшинство, оно, несомненно, будет состоять из людей религиозных и благожелательных, — людей того гуманного, великодушного и честного духа, которые наиболее остро ощущают обиды, причиняемые их собратьям. Предположим, что такая группа людей начнет свои усилия при поддержке северных аболиционистов, и без того столь одиозных. Как поступит раздраженное большинство в соответствии с известными законами разума и опыта? Вместо того чтобы уменьшить зло рабства, они будут его усиливать. Чем больше их подстегивает чувство агрессивной несправедливости снаружи или страх перед опасностями внутри, тем больше они будут сдерживать своих рабов, уменьшать их свободу и увеличивать их инвалидность. Они будут издавать законы настолько несправедливые и деспотичные не только по отношению к рабам, но и к их сторонникам-аболиционистам, что постепенно такие люди выйдут из-под их контроля. Будут изданы законы, специально преследующие их и ставящие в такое неудобное положение, что они будут вынуждены отступить. Затем постепенно праведники будут бежать из преданного города. Тогда численное соотношение белых уменьшится, а жестокость и необузданная порочность системы возрастут, пока не наступит период, когда физическая мощь будет настолько на стороне черных, их чувство страдания настолько возрастет, что вулкан взорвется - начнутся восстания и рабские войны. О, бесчисленные ужасы такого дня! И устоит ли Юг в одиночестве в этот пылающий час? Когда она испустит вопль своей агонии, разве Север и Запад не услышат и не возвысят вместе голос горя? Неужели отцы не услышат криков детей, а братья - криков сестер? Неужели ужасы восстания охватят Юг и не прольется кровь Северян и Западников? Будут ли рабы истреблены в такой борьбе, когда они поднимут ту же самую священную песнь свободы и прав человека, которая была лозунгом нашего избавления от гораздо менее ужасной тирании, и которая

сейчас волнует народы и сотрясает монархов на их тронах, — будет ли это услышано, и не будет ли найдено никого из сынов свободы, кто встал бы на их сторону? Это не картина воображаемых опасностей, которых нет рядом. Настал день, когда чувства с обеих сторон уже настолько возбуждены, что я слышал, как умные, хорошие, великодушные и благочестивые люди в минуты волнения заявляют о своей готовности взяться за меч — одни для защиты хозяина, другие для защиты прав раба. Я полностью убежден, что если восстание все-таки вспыхнет и у дела рабов появится хоть малейшая надежда на успех, то люди с Севера и Запада встанут грудь к груди, с смертоносным оружием, в ряды противников.

Такие опасения многие сочли бы излишними и возразили бы против столь печальных предсказаний. Но в случае, когда весь смысл долга и целесообразности сводится к вероятности результатов, эти вероятности должны быть главными объектами исследования. Правда, никто не имеет права с уверенностью говорить, что будет, а чего не будет; и меня часто поражало и тревожило, как люди с таким ограниченным кругозором, с таким небольшим количеством данных для суждений, с таким небольшим стажем и таким небольшим опытом могут высказываться относительно результатов мер, влияющих на сложные отношения и обязанности миллионов, и в случае, когда самые мудрые и лучшие встревожены и сбиты с толку. Иногда мне казалось, что только предвидение Божества могло осмелиться занять такие позиции, которые как беспечно принимаются, так и упорно отстаиваются сторонниками аболиционизма.

Но если мы хотим судить о мудрости или безрассудстве каких-либо мер по этому вопросу, то это должно быть сделано со ссылкой на будущие результаты. Утверждается, что один из способов увековечивания рабства или прекращения его посредством сцен террора и кровопролития. Другой способ имеет тенденцию положить ему конец раньше и с помощью безопасных и мирных воздействий. И вся дискуссия о долге основывается на этих вероятностях. Но где законы разума и опыта противостоят ужасающим тенденциям аболиционизма, которые были изображены? Разве умы людей не приведены в брожение и не возбуждены теми страстями, которые ослепляют разум и искажают моральное чувство? Разве Юг не находится в состоянии крайнего раздражения против аболиционистов? Разве она не считает их врагами, безрассудными безумцами, дерзкими посредниками? Будет ли увеличение их числа способствовать ослаблению этого раздражения? Будет ли появление подобного тела в их собственных границах иметь какую-либо тенденцию успокаивать? Не будет ли это еще больше тревожить и раздражать? Если движение меньшинства таких людей попытается изменить законы, разве не велика вероятность того, что будут приняты еще более несправедливые и репрессивные меры? — меры, которые будут иметь тенденцию увеличивать тяготы рабства и изгонять из общества всех гуманных, совестливых и благочестивых людей? По мере роста зла и опасностей не будет ли тревога постоянно уменьшать долю белых и делать все более и более необходимым увеличение таких ограничений, которые будут раздражать и распалать черных? Когда эта точка будет достигнута, будут ли чернокожие, зная, а они будут знать, о симпатиях своих сторонников Отмены смертной казни, воздерживаться от применения своей физической силы? *Восстание в Саутгемптоне произошло с гораздо меньшими шансами на сочувствие и успех.*

Если разразится самое ужасное из всех бедствий — война порабощения, — неужели резня отцов, сыновей, младенцев и стариков, неужели крики жен, дочерей, сестер и родственников, страдающих от варварства хуже смерти, не приведут к ним на помощь отцов, братьев и друзей с Севера и Запада?

И если сочувствие и возмущение свободных людей уже могут смотреть такому событию в лицо и чувствовать, что они будут защищать раба, а не хозяина, какова вероятность того, что через несколько лет раздражение заставит самых христианских и гуманных покинуть сцены жестокости и бесчеловечности, которые они не могли ни смягчить, ни исправить? Я хотел бы увидеть какие-либо данные из прошлого опыта, которые покажут, что эти результаты не более вероятны, чем то, что Юг с помощью системы средств, к которой сейчас призывают, окончательно убедится в своих грехах и добровольно положит конец системе рабства. Я не утверждаю, что представленные мной предсказания сбудутся. Я только говорю, что если аболиционисты будут продолжать в том же духе, как они предлагают, такие результаты *более* вероятны, чем те, которых они надеются достичь.

Я здесь не упоминал о вероятности разрыва Союза при нынешнем способе возбуждения этого вопроса. Это может быть одним из результатов, и, если да, то каковы вероятности для Южной республики, которая отделилась с целью исключения иностранного вмешательства и с целью увековечения рабства? Может ли какой-либо аболиционист предположить, что при таком положении вещей великое дело освобождения с такой же вероятностью будет успешно продвигаться вперед, как это было, когда мы были одной нацией и общались на тех братских условиях, которые существовали до начала движения за отмену смертной казни?

Выше приведены некоторые из причин, которые, по общему мнению, я бы привел в противовес предложению о создании Обществ по отмене смертной казни; и они в равной степени применимы к обоим полам. Есть и некоторые другие, которые, по-видимому, выступают против особых возражений против действий женщин в том виде, в каком вы бы настаивали.

Чтобы более полно оценить эти возражения, необходимо будет вернуться к некоторым общим взглядам относительно места, которое женщина назначена занимать устройствами небес.

В последнее время во всех благотворительных начинаниях стало довольно модно осыпать представителей нашего пола обилием комплиментов не только за то, что они сделали, но и за то, что они могут сделать; и эти подношения настолько неразумны и так часты, что, хотя я испытываю растущее уважение к моим соотечественницам за то, что их здравый смысл не был обманут этими призывами к их тщеславию и честолюбию, я не могу не предвидеть, что существует некоторая потребность исследовать справедливые границы женского влияния, а также время, места и способы, которыми оно может быть надлежащим образом реализовано. прилагал усилия.

Великая особенность Божественного домостроительства заключается в том, что должны существовать различные уровни превосходства и подчинения, и уничтожить этот благотворный и непреложный закон невозможно. Впервые вступая в жизнь, ребенок зависит от родительской любви и по необходимости занимает место подчинения. По мере того, как он продвигается по жизни, эти новые отношения превосходства и подчинения множатся. Учитель должен быть выше по положению, ученик - подчиненным. Хозяин семьи — выше, домашняя прислуга - подчиненная, правитель - выше, подданный - подчиненный. Эти отношения вообще не зависят от превосходства ни в интеллектуальной, ни в моральной ценности. Какими бы слабыми ни были родители, или умным ни был ребенок, в непреложном законе об этом нет упоминания. Каким бы некомпетентным ни был учитель или превосходящим ученика, изменение положения не может быть допущено. Какими бы недостойными ни были хозяин или достойный слуга, пока их взаимоотношения продолжаются, никакие изменения в статусе подчинения не могут быть

допущены. Выполняя обязанности, вытекающие из этих отношений, истинное достоинство состоит в том, чтобы соответствовать всем тем отношениям, которые требуют подчинения, с пристойностью и жизнерадостностью. Когда мужчина, каким бы высоким ни был его характер или положение, выглядит более интересным или достойным, чем когда проявляет почтение к престарелому родителю, каким бы слабым и немощным он ни был? И ученик, слуга или подданный - все они в равной степени поддерживают свои собственные притязания на самоуважение и уважение других, в равной степени поддерживая соответствующие отношения и обязанности подчинения. При таком распределении жизненных обязанностей Небеса назначили одному полу высшее, а другому подчиненное положение, и это без какого-либо отношения к характеру или поведению того или другого. Следовательно, соблюдение обязанностей, вытекающих из этих отношений, во всех отношениях отвечает как достоинству, так и интересам женщин. И это такой же долг, как и для ребенка, - поддерживать подобные отношения с родителями или подданными по отношению к правителям. Но хотя в обществе женщина занимает подчиненное положение по отношению к другому полу, это не потому, что так было задумано, чтобы ее обязанности или влияние были менее важными или всепроникающими. Но было задумано, что способ завоевания влияния и осуществления власти должен быть совершенно иным и своеобразным.

Именно христианство отвело женщине ее истинное место в обществе. И только особая черта христианства может поддержать ее в этом. "Мир на земле и добрая воля к мужчинам" - таков характер всех прав и привилегий, влияния и власти женщины. Человек может воздействовать на общество столкновением интеллектов в публичных дебатах; он может настаивать на своих мерах с помощью чувства стыда, страха и личной заинтересованности; он может принуждать с помощью сочетания общественных настроений; он может управлять с помощью физической силы, и он не выходит за границы своей сферы. Но вся власть и все завоевания, которые дозволены женщине, - это только те, которые призывают к добрым, великодушным, миролюбивым и великодушно настроенным принципам.

Женщина должна добиваться всего миром и любовью; заставляя уважать себя настолько, чтобы уступать ее мнениям и удовлетворять ее желания, было добровольным подношением сердца. Но все это должно быть достигнуто в домашнем и социальном кругу. Пусть каждая женщина станет настолько образованной и утонченной в интеллекте, что ее вкус и суждения будут уважаться; настолько доброжелательной в чувствах и поступках, что ее мотивы будут уважаться; —такой непритязательной и неамбициозной, что столкновения и соперничество будут исключены; —такой "нежной и послушной", что каждое сердце успокоится в ее присутствии; тогда отцы, мужья и сыновья обнаружат окружающее их влияние, которому они подчинятся не только охотно, но и с гордостью. Мужчина никогда не стыдится владеть подобными влияниями, но чувствует себя достойным и облагороженным, признавая их. Но в тот момент, когда женщина начинает чувствовать побуждения честолюбия или жажду власти, ее эгис защиты исчезает. Вся священная защита религии, все благородные побуждения рыцарства, вся поэзия романтической галантности зависят от того, что женщина сохраняет за собой свое место зависимой и беззащитной, не предъявляет никаких претензий и не отстаивает никаких прав, кроме даров чести, прямоты и любви.

Женщина может искать помощи в сотрудничестве и объединении среди представителей своего пола, чтобы те помогали ей в ее соответствующих обязанностях благочестия, благотворительности, материнства и выполнения домашних обязанностей; но все, что в какой—

либо мере ставит женщину в положение комбатанта, будь то для себя или для других, - все, что связывает ее в партийном конфликте, — все, что каким-либо образом обязывает ее оказывать принудительное влияние, выбрасывает ее из соответствующей сферы. Если эти общие принципы верны, они полностью противоречат плану вовлечения женщин в любое движение за отмену рабства; потому что это вовлекает их в попытку принудить Юг с помощью общественных настроений Севера; потому что это выдвигает их в качестве сторонников в конфликте, который был начат и продвигается вперед с помощью мер, которые по своим тенденциям далеки от мирных; потому что это выводит их из их надлежащего уединения, чтобы они подвергали себя неуправляемому насилию толп и насмешкам в общественных местах; потому что это выводит их на арену политического столкновения, а не как сторонников мирные посредники должны утихомиривать противоборствующие элементы, но в качестве комбатантов - подбадривать и продвигать меры борьбы.

Если спросят: "Разве женщина не может надлежащим образом выступить в качестве просительницы за представителей своего пола, которые связаны жестоким рабством?" На это отвечают, что правильность и уместность любой такой меры полностью зависят от ее вероятных результатов. Если петиции от женщин будут вызывать раздражение; если они будут сочтены навязчивыми, неприличными и неразумными теми, кому они адресованы; если они скорее увеличат, чем уменьшат зло, от которого хотят избавиться; если они станут первым клином, который в конечном итоге приведет женщин в качестве просительниц и сторонниц ко всем политическим мерам, которые могут иметь тенденцию причинять вред и угнетать их пол, в различных частях страны и в рамках различных общественных мер, которые могут в дальнейшем применяться, то это неуместно и неразумно, и не имеет права со стороны женщины ходатайствовать о помощи угнетенным женщинам.

К делу царицы Есфири часто обращаются как к прецеденту. Когда женщина оказывается в подобных обстоятельствах, когда смерть для нее самой и всего ее народа является одной из альтернатив, и нет ничего худшего, чего можно бояться, но есть на что надеяться в качестве другой альтернативы, тогда она может смело последовать такому примеру. Но когда женщину просят вступить в Общество по отмене смертной казни или поставить свое имя под петицией в конгресс с целью внести свой вклад в поддержание агитации в конгрессе, способствовать возбуждению Севера против беззакония Юга, принуждать Юг страхом, стыдом, гневом и чувством одиозности делать то, чего она решила не делать, случай царицы Эстер вовсе не следует рассматривать как подходящий пример для подражания.

В этой стране петиции в конгресс, касающиеся официальных обязанностей законодателей, по-видимому, во ВСЕХ СЛУЧАЯХ полностью выходят за рамки женских обязанностей. Мужчинам подобает обращаться с апелляциями к правителям, которых они назначают, и если их подруги-женщины с помощью аргументов и убеждения смогут побудить их обратиться с петицией, все хорошее, что может быть сделано такими мерами, будет обеспечено. Но если женщины не могут повлиять на своих ближайших друзей, чтобы они таким образом продвинули общественную меру, они, безусловно, не на своем месте, пытаясь сделать это сами.

Есть некоторые другие соображения, которые должны сделать американских женщин особенно чувствительными по отношению к любым мерам, которые, как *кажется*, даже отвлекают их от соответствующих отношений в обществе.

Все мыслящие умы признают, что безопасность и счастье этой нации зависят от получения *детьми* образования, причем не только интеллектуального, но и морального и религиозного. Сейчас в этой стране насчитывается почти два миллиона детей и взрослых, которые не умеют читать и у которых нет никаких школ. Предоставление лишь небольшого количества учителей этим обездоленным детям, которые обычно находятся там, где мало населения, потребует *тридцати тысяч учителей*; и каждый год будет требоваться на *шесть тысяч* больше, чтобы едва покрыть рост численности несовершеннолетних. Но если мы допустим, что нам не нужно доходить до этого момента, чтобы спастись от той гибели, которая ожидает народ, когда им правит невежественная и беспринципная демократия; если мы сможем пережить бури демократической свободы, получив лишь треть наших невежественных детей должным образом образованными, все равно нам нужны *десять тысяч* учителей в этот момент, и еще *две тысячи каждый год*. Где можно найти эту армию учителей? Возможно ли вообще, что другой пол позволит себе хотя бы умеренную часть этого запаса? Поле для предприимчивости и азарта на политической арене, в искусстве, науке, свободных профессиях, в сельском хозяйстве, мануфактурах и торговле открывается с такими соблазнами, какие никогда еще не посещали умы ни одной нации. Отвернутся ли люди от этих высоких и волнующих целей, чтобы стать терпеливыми тружениками в классной комнате, причем всего за те гроши, которые вознаграждают такой тяжелый труд? Нет, они этого не сделают. Мужчины будут преподавателями в колледже, в средней школе, в некоторых из самых почетных и прибыльных обычных школ, но *дети, маленькие дети* этой нации должны, в значительной степени, обучаться женщинами, иначе они останутся необученными. Тяжелая работа по получению образования, как это сейчас принято считать в нашей стране, будет возложена на женские руки. И по мере того, как ценность образования повышается в общественном сознании, а важность должности учителя оценивается все выше, женщины будут все больше и больше обладать теми интеллектуальными преимуществами, которые им необходимы для выполнения таких обязанностей.

Результатом будет то, что Америка будет выделяться среди всех других наций благодаря хорошо образованным женщинам и тому влиянию, которое они будут оказывать на общие интересы общества. Но если женщины, приближаясь к другому полу в интеллектуальном развитии, начнут претендовать на особые привилегии этого пола или каким-либо образом осуществлять их, образование окажется сомнительным и опасным благом. Но это никогда не будет результатом. Ибо чем умнее становится женщина, тем больше она может оценить мудрость того постановления, которое определило ее подчиненное положение, и тем больше ее вкус будет соответствовать изящному и достойному уходу в отставку и покорности, которые оно предполагает.

Невежественная, ограниченная или глупая женщина не может почувствовать или понять рациональность, уместность или красоту этих отношений; и именно она, скорее всего, будет добиваться своего, мучая, когда не может угодить, или *раздражая* жалобами или навязчивым вмешательством в дела, которые находятся вне ее сферы и которые она не может понять.

И опыт свидетельствует об этом результате. По признанию всех путешественников, американские женщины выделяются среди всех остальных своим общим умом, и все же их хвалят за их сдержанную скромность, добродетель и верность домашнему хозяйству, в то время как другой пол в не меньшей степени отличается своей уважительной добротой и внимательной галантностью. Нет другой страны, где женщины пользуются таким общественным уважением и

добротой по отношению к ним, как в Америке, благодаря согласию всех путешественников. И так будет всегда, пока интеллектуальная культура в женском сознании сочетается с духом той религии, которая так настойчиво навязывает соответствующие обязанности в сфере женской деятельности.

Но можно спросить, неужели ничего нельзя сделать, чтобы положить конец этому национальному греху рабства? Должна ли внутренняя работоторговля, торговля, которая сейчас приравнивается к пиратству среди всех цивилизованных наций, все еще процветать в наших пределах? Должно ли само местопребывание нашего правительства быть одним из главных невольничьих рынков страны; и разве женщины-христианки не должны раскрывать рот и пальцем не шевелить, чтобы положить конец такому позору и греху?

На это можно ответить, что женщины-христианки могут многое сказать и сделать, чтобы положить конец этому злу; и настоящее время - это время и случай, когда кажется наиболее желательным, чтобы они знали, ценили и применяли силу, которой они обладают для достижения столь желанной цели.

И, указывая на методы оказания женского влияния для достижения этой цели, я вдохновлен большой уверенностью, исходя из убеждения, что то, что будет предложено, - это то, чему никто не будет противиться, но все позволят быть не только практичным, но и безопасным, подходящим и христианским.

Однако, чтобы оценить эти предложения, необходимо предварительно рассмотреть некоторые детали, отражающие дух эпохи и тенденции нашей своеобразной формы правления.

Главным принципом, находящимся сейчас в разработке и отражающим дух эпохи, является совершенное право всех людей на полную свободу мнений. Под этим я не имею в виду, что люди начинают думать, что "не имеет значения, во что верит человек, если только он честен и искренен", или что они становятся более снисходительными к своим ближним из-за дурных последствий, которые они навлекают на себя или на других из-за неправильной веры.

Но они приходят к принятию принципа, согласно которому никто не должен быть принужден болью и наказаниями принимать мнения других людей, но каждый человек должен быть свободен формировать свои собственные мнения и распространять их всеми законными средствами.

В то же время утверждается еще одно право, которое с необходимостью связано с предыдущим, — право выступать всеми законными средствами против мнений и практики других лиц, когда они считаются пагубными либо для отдельных лиц, либо для общества. *Факты, аргументы и убеждения* всеми признаются законными средствами для распространения наших собственных взглядов и противодействия мнениям и практике других.

Эти фундаментальные принципы свободы во все прошлые века ограничивались принудительным влиянием либо гражданской, либо церковной власти. Но в этой стране все подобные принудительные воздействия, как со стороны церкви, так и государства, прекратились. Каждый человек может думать все, что ему заблагорассудится о правительстве, или религии, или о чем-либо другом; он может распространять свои взгляды, он может оспаривать противоположные мнения, и никакой магистрат или духовное лицо не может каким-либо законным способом ограничить или наказать.

Но форма нашего правительства такова, что каждая мера, затрагивающая общественные или частные интересы каждого гражданина, определяется *общественным мнением*. Все законы и нормативные акты, касающиеся гражданских, религиозных или социальных вопросов, принимаются *большинством голосов*. И настоящее - это время, когда обсуждается каждая доктрина, каждый принцип и каждая практика, которые влияют на счастье человека либо в этой, либо в будущей жизни. Вся нация собирается на вечеринки почти по каждому возможному вопросу, и каждого человека в его усилиях по продвижению своих собственных планов стимулирует убежденность в том, что успех полностью зависит от того, заставит ли его сограждан думать так же, как он. Следовательно, каждый человек яростно отстаивает свое собственное право на свободную дискуссию, свое собственное право распространять свои мнения и свое собственное право выступать всеми законными средствами против мнений, которые противоречат его собственным.

Но трудность заключается в том, что право, которое все люди отстаивают для себя с самой чувствительной и настойчивой непреклонностью, они еще не научились признавать за своими собратьями в тех случаях, когда затрагиваются их собственные интересы. Каждый человек говорит: "Позвольте мне иметь полную свободу распространять свои взгляды и выступать против всего, что я считаю неправильным и вредительским, но пусть никто не пользуется этой свободой в отношении моих мнений и практик. Каждый человек может верить во что ему заблагорассудится и распространять то, что ему заблагорассудится, при условии, что он позаботится о том, чтобы не посягать ни на что, что принадлежит мне".

И как люди прилагают усилия, чтобы ограничить это соответствующее право своих собратьев? Не обращаясь к магистрату, чтобы сообщить, или к духовному деспоту, чтобы добиться церковных наказаний, но он прибегает к методам, которые, в случае успеха, по сути являются самыми суровыми муками и наказаниями, которые могут ограничить свободу мнений.

Что может быть дороже для человека, чем *его характер*, предполагающий уважение и привязанность друзей, соседей и общества, со всей уверенностью, почестями, доверием и вознаграждением, которые проистекают из всеобщего уважения? Как чувствителен каждый человек ко всему, что обесценивает его интеллектуальный характер! Какая пытка - подвергаться насмешкам или жалости из-за таких недостатков! Как жестоки страдания, когда его моральные проступки выставляются на всеобщее порицание! Конфискации, нашивок, цепей и даже самой смерти часто боятся меньше.

Именно к этому методу наказания прибегают люди, чтобы удержать своих собратьев от осуществления тех прав на свободу, на которые они так упорно претендуют для себя. Изучите теперь методы, принятые почти всеми, кто вовлечен в различные конфликты мнений в этой стране, и вы обнаружите, что существуют определенные меры, к которым почти неизменно прибегают воюющие стороны.

Они либо нападают на интеллектуальный характер оппонентов, либо стараются выставить их недалекими, нелиберальными и фанатичными, либо ставят под сомнение их честность и правдивость, либо клеймят их мотивы как подлые, эгоистичные, амбициозные или в каком-либо другом отношении недостойные и унижающие достоинство. Вместо правды, доказательств и аргументов в ход идут личное обесценивание, насмешки, инсинуации или открытые оскорбления. Этот метод сопротивления свободе мнений с помощью боли и наказаний

возникает частично из естественного эгоизма человека, а частично из-за отсутствия четких различий в отношении прав и обязанностей, связанных со свободой мнений и свободой слова.

Великий фундаментальный принцип, проясняющий этот вопрос, заключается в том, что всегда следует проводить широкое и неизменное различие между *мнениями* и *практиками*, которые обсуждаются, и *защитниками* этих мнений и практик.

Это священный и повелительный долг, лежащий на каждом человеке, - оказывать все свое влияние, противодействуя всему, что, по его мнению, опасно и неправильно, и поддерживая все, что, по его мнению, безопасно и правильно. И при этом нельзя идти ни на какие компромиссы, чтобы защитить страну, партию, друзей или даже себя самого от любого справедливого порицания. Долг перед Богом и своей страной обязывает каждого человека указывать пальцем на каждый ложный принцип или пагубную практику и смело говорить: "Это неправильно, это опасно, этому я буду противодействовать всем своим влиянием, кто бы это ни защищал или практиковал". И каждый человек обязан использовать свои усилия, чтобы настроить общественное мнение против всего, что он считает неправильным и пагубным либо в отношении этой жизни, либо в отношении будущего мира. И каждый человек заслуживает уважения и аплодисментов, ровно в той мере, в какой он бесстрашно и беспристрастно, в *надлежащем духе, time and manner* выполняет этот долг.,

Только что упомянутая доктрина о том, что "неважно, во что верит человек, лишь бы он был честен и искренен", столь же пагубна, сколь и противоречит религии и здравому смыслу. Это так же абсурдно и непрактично, как было бы навязывать моряку максимум: "неважно, какой путь вы считаете северным, лишь бы вы держали курс правильно". Характер человека, его чувства и поведение - все зависит от его мнения. Если человек сможет убедить себя в том, что присваивать чужую собственность и обманывать ложными заявлениями - это правильно, он, вероятно, окажется вором и лжецом. Поэтому для каждого человека важнее всего, чтобы его собратья *верили в правоту*, и одна из его самых священных обязанностей - использовать все свое влияние для продвижения правильных мнений.

Но выполнение этого долга ни в коем случае не предполагает необходимости нападать на характер или мотивы *сторонников* ложных мнений или выставлять их в индивидуальном порядке на всеобщее обозрение.

Ошибочные мнения иногда являются следствием неизбежного невежества, или умственной слабоумия, или слабых и ошибочных суждений, или ложных показаний других, которые не могут быть исправлены. В таких случаях сторонников ложных мнений следует скорее жалеть, чем порицать; и хотя мнения и их тенденции могут быть публично разоблачены, люди могут быть объектами привязанности и доброты.

В других случаях ошибочные мнения возникают из преступного безразличия, из предубеждения, из лени, из гордыни, из порочных страстей или из эгоистичного интереса. Во всех подобных случаях люди заслуживают порицания за свои пагубные мнения и зло, которое проистекает из них.

Но, возможно, спросят, как люди должны принимать решения, когда их собратья виновны в том, что придерживаются неправильных мнений; когда они заслуживают порицания и когда те, кто считает их неправыми, должны относиться к ним только с жалостью и сочувствием? Здесь, несомненно, есть место, где крайне необходим какой-то правильный принцип.

Должен ли каждый человек судить своих собратьев и решать, каковы его интеллектуальные способности и какова мера его суждения? Должен ли каждый человек брать на себя роль Исследователя Сердец, испытывать чувства и мотивы своих ближних? Неужели это самый трудный из всех анализов - оценка чувств, целей и мотивов, которые каждый человек, исследующий свои собственные тайные мысли, находит такими сложными, непонятными, запутанными; неужели это должно быть основой не только для индивидуального мнения, но и для общественного поощрения и порицания? Должен ли каждый человек сам определять, сколько времени и интереса уделяют его собратья надлежащему исследованию истины? Конечно, это не может быть правильным принципом.

Хотя могут быть единичные случаи, когда мы можем знать, что наши собратья слабы интеллектом, или ошибочны в суждениях, или извращенны в чувствах, или введены в заблуждение страстью, или движимы эгоистичным интересом, как правило, мы не компетентны решать эти вопросы в отношении тех, кто отличается от нас во мнениях.

По этой причине явно неправильно и неуместно при обсуждении вопросов долга или целесообразности доводить до сведения общественности характер или мотивы отдельных сторонников мнений.

Но могут возразить, как можно исследовать пагубные тенденции мнений или практик, не принимая во внимание характер и поведение тех, кто их отстаивает? На это можно ответить, что тенденции мнений и практик никогда не могут быть установлены путем обсуждения индивидуального характера. Именно *классы* людей или большие *сообщества*, охватывающие людей всех разновидностей характера и обстоятельств, являются единственными надлежащими объектами исследования для достижения этой цели. Например, можно сравнить сообщество католиков и сообщество протестантов с целью изучения моральных тенденций, лежащих в основе их различных мнений. Шотландию и Новую Англию, где больше всего преобладали принципы, противоположные католицизму, уместно сравнить с Испанией и Италией, где католическая система подверглась наиболее справедливым испытаниям. Но выбирать определенных людей, которые являются защитниками этих двух различных систем, в качестве примеров, иллюстрирующих их тенденции, было бы так же неуместно, как было бы выбирать зернышко зерна для доказательства хорошего или дурного характера целого урожая.

Чтобы проиллюстрировать это более конкретным примером. Доктрины атеистической школы в настоящее время находятся в стадии обсуждения, и Роберт Оуэн и Фанни Райт были их видными защитниками.

В соответствии с вышеуказанными принципами, каждый человек, имеющий какое-либо влияние и возможность, имеет право и обязанность показать абсурдность своих доктрин, слабость своих аргументов и пагубную направленность своих мнений. Будет правильно показать, что *практическое* принятие их принципов указывает на недостаток здравого смысла, точно так же, как засеивание океана зерном и ожидание урожая указывали бы на тот же недостаток. Если сторонники этих доктрин претворяют свои принципы в жизнь любым способом, который оскорбляет вкус или ущемляет права других, уместно выразить отвращение и неодобрение. Если женщина-адвокат решает выйти на сцену и подвергнуть свою личность, одежду и ораторское искусство публичной критике, она вправе выразить отвращение ко всему оскорбительному и неприличному, например, к критике книги автора, или танца актрисы, или

любой другой вещи, выставленной на всеобщее обозрение. И это правильно - выставять все эти вещи такими же одиозными и предосудительными для других, как и для нас самих.

Но каков личный характер Роберта Оуэна или Фанни Райт? Невежественны ли они или слабы интеллектом; изучили ли они должным образом источники истины; насколько они были подвержены влиянию гордыни, страсти или порока при принятии своих мнений; честны ли они и искренни в своей вере; эгоистичны ли они или доброжелательны в своих целях, - это вопросы, которые никоим образом не относятся к обсуждению. Это вопросы, о которых никто не имеет права судить, кроме тех, кто находится в тесном общении с ними. Мы можем уместно поинтересоваться характером *сообщества* атеистов или сообщества, в котором широко преобладают такие чувства, по сравнению с сообществом противоположных чувств. Но частный характер, чувства и мотивы отдельных сторонников этих доктрин не являются надлежащими предметами исследования в ходе какой-либо общественной дискуссии.

Итак, если верно, что нападки на характер и мотивы защитников мнений совершенно неуместны и вовсе не необходимы для установления истины; если ущерб, нанесенный характеру, является самым суровым наказанием, которое может быть применено для ограничения свободы мнений и свободы слова, что мы можем сказать о положении вещей в этой стране?

Где найдется партия, которая фактически не говорит каждому человеку: "Если вы осмелитесь выступить против принципов или практики, которые мы поддерживаем, вы будете наказаны личной ненавистью"? который не говорит каждому члену партии: "поддерживайте свою партию, правильную или неправильную; выступайте против всего, что враждебно вашей партии, правильно или неправильно, или же понесите наказание в виде того, что ваши мотивы, характер и поведение будут подвергнуты импичменту?"

Взгляните сначала на политическую арену. Где находится сторонник какой-либо меры, которая не терпит насмешек, глумления, презрения и всего того, что имеет тенденцию принижать репутацию в глазах общественности? Где тот партизан, на которого не нападают, считая его либо слабым интеллектом, либо нечестным в принципе, либо эгоистичным по мотивам? И где тот человек, который связан с какой-либо политической партией, который осмеливается бесстрашно встать на защиту того, что есть хорошего в оппонентах, и порицать то, что неправильно в его собственной партии?

Загляните в религиозный мир. Там даже те, кто получил название своей партии из-за своей провозглашаемой либеральности, говорят: "Тот, кто примет принципы, исключаящие нас из христианской церкви и наше духовенство с кафедры, будет рассматриваться либо как интеллектуально деградировавший, либо как узколобый и фанатичный, либо как амбициозный, пристрастный и преследующий по духу. Ни один человек не должен верить в вероучение, которое исключает нас из рамок христианства, под страхом всей той гнусности, которую мы можем причинить".

Так и в католическом споре. Католики и их друзья практически объявляют войну любой свободной дискуссии по этому вопросу. Вышел указ, согласно которому "никто не должен являться с целью доказать, что католицизм противоречит Священному Писанию, или безнравственен и имеет антиреспубликанские тенденции, под страхом обвинения в обмане, или лицемерии, или преследовании, или ограниченности и предвзятости фанатика".

Напротив, те, кто нападает на то, что называется либеральным христианством, или те, кто стремится противостоять прогрессу католицизма, как часто они проявляют суровый и безжалостный дух по отношению к людям, мнения которых они оспаривают. Вместо того, чтобы любить людей и оказывать им все услуги христианской доброты и, по их мнению, отдавать должное всему, что желательно в характере и поведении, как часто оппоненты, кажется, чувствуют, что недопустимо допускать, что есть что-то хорошее ни в системе, ни в тех, кто ее принял. "Все в моей партии правильно, а все в партии противника неправильно", - кажется, универсальная максима того времени. И это замечание некоторых из самых умных иностранных путешественников среди нас и наших собственных граждан, выезжающих за границу, что нельзя найти страны, где свобода мнений и свобода слова в большей степени подвержены влиянию и контролю страха перед болью и наказаниями, чем в этой стране хваленой свободы. В других странах контроль осуществляется правительством в отношении очень немногих вопросов; в этой стране дух партии правит железным прутом и потрясает своими скорпионьими кнутами над каждым интересом и каждым занятием человека.

Из этого могущественного источника проистекают постоянное умаление, сплетни, сплетничанье, ложь, гнев, гордыня, злобный умысел, месть и всякое дурное слово и дело.

Каждый человек ставит перед собой задачу судить об интеллектуальном характере, честности, искренности, чувствах, возможностях, мотивах и намерениях своих ближних. И вот они нападают друг на друга, но не с мечами и копьями, а языком, "этим неуправляемым членом, который поджигает ход природы и сам горит в адском огне".

Может ли любой человек, стремящийся поддерживать мирный, любящий и кроткий дух христианства, выйти в мир в наши дни, не будучи сбитым с толку бесконечными конфликтами, опечаленным и встревоженным горькими и нечестивыми страстями, которые они порождают? Может ли честный, прямолинейный и христианский человек вступать в эти конфликты и с непоколебимой твердостью отстаивать все, что есть хорошего, и противостоять всему, что есть зла, на какой бы стороне оно ни находилось, без такой меры морального мужества, которой мало кто может обладать? И если он ведет себя до конца с несгибаемой честностью и сохраняет свою последовательность, разве он не подвержен шквалам горьких оскорблений и оплеухам с обеих сторон, между которыми он может стоять?

Каков будет конец всего этого? Должны ли мы отказаться от свободных дискуссий и снова заковать человеческий разум в цепи деспотизма прошлых веков? Нет, этого никогда не будет. По замыслу Бога, каждый разумный разум должен управляться не принуждением, а разумом, совестью и истиной. Человек должен рассуждать, экспериментировать, сравнивать прошлые и настоящие результаты, слышать и знать все, что можно сказать по *обеим* сторонам каждого вопроса, который влияет на личное или общественное счастье, как в этой, так и в будущей жизни.

Но пока продолжается этот процесс, должны ли мы отвлекаться и мучиться из-за пагубных страстей и злых дел, которые навлекут на нас необузданный партийный дух и неуправляемые фракции при таком правительстве, как наше? Должны ли мы спешить к разобщению, гражданским войнам и рабским войнам, пока вся их череда ужасов не пройдет над нами, как всепожирающий огонь?

Есть влияние, способное предотвратить эти опасности, — дух, способный утихомирить бурю, способный сказать беспокойным ветрам и водам: "Мир, успокойтесь".

Это тот дух, которого легко уговорить, который не мыслит зла, который не радуется беззаконию, но радуется истине, которого нелегко спровоцировать, который на все надеется, который все переносит. Пусть этот дух проникнет в массы нации, и тогда истина может быть найдена, защищена и распространена, ошибка обнаружена, а ее пороки разоблачены; и все же мы можем избежать зла, которое сейчас бушует в этой стране и угрожает нам такими огненными язвами.

И разве нет особой пристойности в такой чрезвычайной ситуации искать особого участия и помощи у женщин, которые защищены от многих искушений, преследующих другой пол, — которые назначены попечителями всех более благородных сфер жизни, — которые смешаны со всей массой общества, — которые живут в тех уединениях, куда всегда должны входить только мир и любовь, — чей комфорт, влияние и самые дорогие благословения зависят от сохранения мира и доброй воли среди мужчин?

При нынешнем положении дел среди нас, когда кажется, что все стремится к разобщенности и рассеянию, несомненно, долгом каждой женщины стало немедленно отказаться от позиции приверженца в любом вопросе, где сталкиваются интересы, и взять на себя роль посредника и защитника мира. И для этого нет необходимости, чтобы женщина каким-либо образом отказывалась от своего мнения относительно зла или преимуществ, правильного или порочного какого-либо принципа или практики. Но, спокойно придерживаясь своего собственного мнения и открыто заявляя о нем, когда совесть и честность делают долг императивом, каждая женщина может использовать свое влияние не для возбуждения или регулирования общественных настроений, а скорее для продвижения духа искренности, снисходительности, милосердия и мира.

И есть определенные выдающиеся принципы, которые каждая женщина может принять как присущие только ей, как защитнице милосердия и мира, и которые ее особой обязанностью должно быть иллюстрировать, применять и поддерживать всеми доступными ей методами.

Первое заключается в том, что каждый человек должен быть поддержан не только в праве распространять свои собственные мнения и обычаи, но и в противодействии всем тем принципам и практикам, которые он считает ошибочными. Ибо нет мнения, которое человек мог бы распространять, которое не выступало бы против какого-то враждебного интереса; и если человек должен прекратить отстаивать свои собственные взгляды на истину и прямоту, потому что он выступает против интересов или предрассудков какого-то другого человека или партии, то всякой свободе мнений, слова и действий конец. Все, что можно потребовать, — это чтобы человек не прибегал ко лжи, ложным рассуждениям или к нападкам на личность при отстаивании своих собственных прав. Если он утверждает ложные вещи, правильно показать ложь, — если он рассуждает ложно, правильно указать на его софистику, — если он подвергает сомнению характер или мотивы оппонентов, правильно выразить неодобрение и отвращение; но если он использует только факты, аргументы и убеждения, его следует уважать и поддерживать за все усилия, которые он прилагает, чтобы отстаивать то, что он считает правильным, и опровергать то, что он считает неправильным.

Другой принцип, который частично связан с первым, заключается в том, что каждый человек должен позволять свободно обсуждать свои собственные принципы и поступки, проявляя терпение и великодушие, и не жаловаться на преследования или нападать на характер или мотивы тех, кто утверждает, что он неправ. Если его опровергают, если его характер подвергается импичменту, если его мотивы подвергаются нападкам, если его интеллектуальные способности становятся объектами насмешек или сочувствия, он имеет право жаловаться и искать сочувствия как пострадавший человек; но ни один человек не является последовательным другом и защитником свободы слова, если он не может вынести, чтобы его собственные принципы и практика подвергались тому же испытанию, которое, по его мнению, должно быть навязано другим.

Еще один принцип мира и милосердия заключается в том, что необходимо принимать во внимание собственное свидетельство каждого человека относительно его мотивов, чувств и намерений. Хотя мы можем опасаться, что ближний ошибается в своих взглядах на собственные чувства или что он говорит неправду, предполагать или даже намекать на то, что это так, так же противоречит правилам хорошего тона, как и законам христианства. Если слову человека нельзя верить в отношении его собственных мотивов, чувств и намерений, он не сможет найти возмещения за то зло, которое ему могут причинить. В высшей степени несправедливо и неразумно избирать какой-либо иной курс, кроме того, который предлагается здесь.

Еще одна важнейшая максима искренности и милосердия заключается в том, что, когда мы хотим определить мотивы поведения наших ближних, особенно тех, кто противостоит нашим интересам, мы обязаны придавать лучшее, а не худшее толкование всему, что они говорят и делают. Вместо того чтобы приписывать наихудшее в качестве вероятного мотива, всегда следует *надеяться*, что это лучшее, пока доказательства не станут настолько однозначными, что для такой надежды не останется места.

Еще одна максима мира и милосердия касается вопроса о *возмездии*. Что бы ни говорили о буквальном толковании некоторых правил Евангелия, никто не может отрицать, что они, фигурально или нет, запрещают возмездие; что они предполагают, что люди не должны быть судьями и исполнителями своих собственных проступков; но что обиды следует переносить с кротостью, и что возмездие должно быть предоставлено Богу и законам. Если мужчина наносит удар, мы не должны отвечать ударом на удар, а апеллируем к законам. Если мужчина использует оскорбительные выражения, мы не должны отвечать оскорблением на оскорбление. Если мужчина подвергает сомнению наши мотивы и нападает на наш характер, мы не должны отвечать злом в ответ. Если мужчина насмехается, мы не должны отвечать насмешками. Если мужчина сообщает о наших слабостях и провалах, мы не должны мстить себе, сообщая о его. Ни один человек не имеет права сообщать о зле других, за исключением случаев, когда этого требует оправдание невиновных или забота об общественной или личной безопасности. Это строгий закон Евангелия, начертанный на всех его страницах и встречающий лицом к лицу все те нехристианские и непристойные нарушения, которые сейчас так распространены почти в каждом конфликте интеллектов или интересов.

Еще одна важнейшая максима мира и милосердия налагает обязанность охранять наших ближних от любых ненужных искушений. Нас учат ежедневно молиться: "не введи нас в искушение", и таким образом наставляют не только самих избегать всех ненужных искушений, но и спасать наших ближних от опасности. Можем ли мы просить нашего Небесного Родителя

защитить нас от искушения, в то время как мы безрассудно расставляем приманки и силки для наших ближних? Нет, мы обязаны во всех отношениях с нежностью относиться к слабостям и обязательствам всех окружающих и всегда быть готовыми уступить даже своим справедливым правам, когда мы можем сделать это законно, вместо того, чтобы соблазнять других на грех. Великодушный и возвышенный Апостол заявляет: "Если мясо соблазняет брата моего, я не буду есть мяса, пока стоит мир"; и именно дух этого правила должен соблюдать каждый христианин. Нет случаев, когда эта максима так необходима, как тогда, когда мы хотим изменить мнения или обычаи наших ближних. Если в таких случаях мы обнаружим, что вероятность того, что любое наше вмешательство увеличит силу искушения и приведет к большему злу, чем то, которое мы хотим исправить, такова, мы обязаны воздержаться. Если мы обнаружим, что один способ принятия той или иной меры увеличит силу искушения, а другой не повлечет за собой такой опасности, мы обязаны избрать самый безопасный курс. Во всех случаях мы обязаны быть такими же осторожными, чтобы защитить наших ближних от искушения, как мы должны бодрствовать и молиться против него в отношении самих себя.

Еще один принцип мира и милосердия требует самого скрупулезного отношения к репутации, характеру и чувствам наших ближних, и особенно к тем, кто каким-либо образом противостоит нашим желаниям и интересам. Каждый мужчина и каждая женщина чувствуют, что неправильно, когда другие распространяют свои ошибки и слабости в обществе. Каждый чувствует себя уязвленным, обнаруживая, что другие делают его недостатки и немощи предметом насмешек. И что же тогда является правилом долга? "Как вы хотели бы, чтобы люди поступали с вами, так поступайте и вы с ними". Имея это правило перед глазами и в уме, может ли человек с чистой совестью признавать недостатки своего ближнего, или насмехаться над его недостатками, или высмеивать его немощи? Бывают случаи, когда безопасность отдельных лиц или общественное правосудие требуют, чтобы недостатки характера или преступления человека были обнародованы; но ни один человек не имеет права сообщать другим о каком-либо зле, касающемся кого-либо из его братьев, когда он не может воззвать к Богу как к его свидетелю, что он делает это из благожелательной заинтересованности в благополучии своих братьев - из желания спасти отдельных людей или общество от какого-либо зла — а не из склонности к злонамеренности или сплетням. О, если бы этот закон любви и милосердия мог найти иллюстрацию и защитника в каждой женщине нашей страны! О, если бы каждая теперешняя клевета и каждое оскорбительное сообщение вызвали смущение всякий раз, когда на них обращала внимание женщина!

Таковы принципы мира и милосердия, которые женщины нашей страны могут отстаивать как своим примером, так и мольбами. Это принципы, которые только и могут защитить и сохранить право на свободную дискуссию, свободу слова и свободу печати. И с нашей формой правления и нашей ответственностью перед фракциями и партийным духом страна будет безопасной и счастливой только пропорционально распространенности этих принципов среди широких масс общества. Вероятно, никогда не наступит период в истории этой нации, когда влияние этих принципов будет более необходимо, чем в настоящее время. Вопрос о рабстве затрагивает больше денежных интересов, затрагивает больше частных отношений, включает в себя больше предрассудков, переплетен с большим количеством секционных, партийных и политических интересов, чем любой другой, который когда-либо может возникнуть снова. Это вопрос, который, если его обсуждать и контролировать без влияния этих принципов милосердия и мира,

потрясет эту нацию подобно землетрясению и захлестнет нас вулканическими волнами всех ужасающих страстей. Дрожащая земля, низкие раскаты грома уже предупреждают нас об опасности; и если женщины могут оказать какое-либо спасительное влияние в этой чрезвычайной ситуации, то им пора проснуться.

И есть темы, на которые они могут привлечь внимание своих друзей, по крайней мере, как вопросы, заслуживающие серьезного рассмотрения и исследования.

Окружена ли женщина теми, кто поддерживает меры по отмене смертной казни? Не может ли она, соблюдая приличия, настаивать на подобных запросах?

Разве рабству не должен быть положен конец путем свободного обсуждения, и разве это не война против права на свободное обсуждение, направленная на то, чтобы подвергнуть сомнению мотивы и принизить характер противников мер по отмене рабства? Когда противники движений за отмену рабства заявляют, что они честно и искренне верят, что эти меры имеют тенденцию увековечивать рабство или положить ему конец посредством рабских войн, гражданской разобщенности и самых ужасных страданий — когда они возражают против использования их кафедр, воплощения студентов—литераторов, агитации сообщества агентами по отмене рабства - когда они возражают против распространения таких бумаг и трактатов, которые готовят аболиционисты, потому что они считают их наиболее пагубными по своему влиянию и тенденциям, разве это не такое же преследование, как использование злобные инсинуации, обесценивающие обвинения и лишение мотивов с целью запугивания, как это делают противники аболиционизма, применяя физическую силу? Разве единственным методом, с помощью которого Юг можно заставить отказаться от рабства, не является убеждение в том, что не только ее *долг*, но и ее высшие *интересы* требуют, чтобы она это сделала? И разве *спокойная, рациональная христианская* дискуссия не является единственным правильным методом достижения этой цели? Может ли сообщество, доведенное до такого состояния крайнего раздражения, какое сейчас существует на Юге, когда-либо участвовать в подобных дискуссиях, пока буря возбуждения и страстей не утихнет? Не должен ли каждый сторонник свободы и свободной дискуссии использовать все возможные средства для успокоения раздраженных чувств и избегать всех тех оскорбительных особенностей, которые по своей природе имеют тенденцию разжигать и оскорблять?

Есть ли женщина среди тех, кто выступает против движений за отмену смертной казни? Она может настаивать на подобных вопросах: не следует ли обращаться с аболиционистами так, как если бы они руководствовались мотивами доброжелательности, которые они исповедуют? Не должен ли каждый патриот и каждый христианин направить все свое влияние против обличения мотивов, личного умаления и насильственных мер, которые применяются против этой группы людей, которые, как бы они ни заблуждались в суждениях или духе, являются одними из самых образцовых и доброжелательных в стране? Если аболиционистов осуждают за то, что они принимают меры, которые выводят из себя, а не убеждают, разве их оппоненты, которые принимают точно такие же меры, чтобы вывести из себя аболиционистов и их друзей, не виноваты в такой же степени? Если аболиционизм процветает за счет жестокого обращения со своими сторонниками, разве авторы этого жестокого обращения не несут ответственности за увеличение того самого зла, которое они осуждают?

По мнению умных и хорошо информированных людей, очень большая часть лучших членов партии отмены смертной казни были помещены туда не из-за аргументов аболиционистов, а из-

за злоупотреблений их противников. И я знаю некоторых из самых благородных умов, стоящих там, главным образом под влиянием тех великодушных побуждений, которые защищают пострадавших и поддерживают преследуемых, в то время как многие другие присоединились к этим рядам под впечатлением, что аболиционизм и право на свободную дискуссию стали идентичными интересами. Хотя я не могу понять, почему право на свободную дискуссию, право на подачу петиций и другие права, связанные с этим вопросом, не могут быть реализованы без присоединения к ассоциации, которая поддерживает такие вредные действия и такие ошибочные принципы, однако другие умы, и те, которые достойны уважения, были приведены к противоположному выводу.

Юг в моменты гневного возбуждения предъявлял необоснованные требования к государствам, не являющимся рабовладельческими, и использовал властные и провоцирующие высказывания. Это снова вызвало реакцию на Севере, и люди, которые до сих пор были невозмутимыми, начинают чувствовать негодование и говорить: "Пусть Союз будет распущен". Таким образом, гнев порождает гнев, а неразумные меры провоцируют столь же неразумную отдачу.

Но когда мужчины в моменты возбуждения устремляются к таким результатам, они мало задумываются о важных последствиях, которые могут за этим последовать. Предположим, Юг в своем гневе объединится с Техасом и образует Южную рабовладельческую республику под всеми раздражающими влияниями, которые вызовет такое отторжение? Каковы тогда будут перспективы раба по сравнению с тем, какими они являются, пока мы живем вместе, объединенные всеми узами братства и имеющие свободный доступ к тем, кого мы хотим убедить?

Но кто может оценить те бедствия, с которыми мы должны столкнуться, пока происходит это расчленение, это раздиранье суставов и членов политического тела? Каковы будут волнения и смятение, когда все наши источники богатства, преуспевания и комфорта будут обращены в повод для гневной и эгоистичной борьбы?

Какая агитация поднимется в отдельных Штатах, когда большинство будет решать, какой штат отойдет к Северу, а какой к Югу, и когда недовольное меньшинство должно будет либо сдаться, либо сражаться! Кто разделит наши общественные земли между противоборствующими группировками? Что делать с нашим военно-морским флотом и всеми различными предметами национальной собственности? Что делать, когда почтовое отделение прекращает свое постоянное движение, чтобы разделить свои усилия между противоборствующими сторонами? Что делать, когда общественный кредит пошатнется, когда торговля свернет свои ослабевшие паруса, когда собственность по всей стране сменит своих владельцев и отношения? Что будет с нашими каналами и железными дорогами, которые теперь связывают нас узами любви, а затем являются причинами раздоров и ревности? Какой судья появится, чтобы разрешить все эти вопросы, представляющие интерес, и раздоры между сообществами, разделенными страстью, гордыней и взаимными обидами?

Говорят, что американский народ, хотя и беспечен, а иногда и безрассуден при приближении опасности, наделен сильным и скрытым принципом здравого смысла, который, когда они честно приближаются к пропасти, всегда останавливает их и делает столь же мудрыми в поиске выхода, сколь опрометчивыми они были, поспешив навстречу опасности. Разве мы не приближаемся к самому краю пропасти? Разве мы уже не слышим рев воды внизу? Разве

сейчас не то время, если вообще когда-либо наступит, когда наши суровые принципы и здравый смысл должны прийти на помощь?

Не может ли Юг быть немного более терпеливым к пагубным действиям, от которых, как она чувствует, она пострадала, и перестать требовать от Севера тех уступок, которые никогда не будут сделаны? Ибо Север, хотя и медленнее проявляет чувства, так же чувствителен к своему праву на свободу слова, как Юг может быть чувствителен к своим правам собственности.

Неужели Север не может смириться с некоторыми неразумными действиями Юга, если вспомнить, что, поскольку провокация исходила с Севера, было бы мудро и по-христиански, если бы агрессивная сторона не стала так строго придерживаться правил добра и разума среди своих братьев-искушаемых?

Неужели Южане не могут иметь в виду, что на Севере цвет кожи не отменяет чувства братства, и хотя это признак низкого положения и интеллекта, все же к нему чаще относятся с жалостью и сочувствием, чем с презрением? Неужели Юг не может вспомнить о своих великодушных чувствах к грекам и полякам и представить, что некоторые из таких чувств могут быть пробуждены к африканской расе среди людей, которые не верят ни в политику, ни в право рабства?

Неужели северяне не помнят, как ревниво каждый мужчина относится к своим семейным отношениям и правам, и как жестоко их южные собратья подвергаются испытаниям в этом отношении? Как бы мужья и отцы на Севере перенесли это, если бы были созданы южные ассоциации, чтобы донести до мира грехи северян как мужей и отцов? Что, если Юг пошлет на Север сбор всех грехов и пренебрежений северных мужей и отцов, чтобы продавать их на Юге в брошюрах и периодических изданиях? Что, если английская нация присоединится к протесту, и английские женщины пошлют агента, на самом деле не для посещения оскорбительного Севера, а для распространения на Юге, осуждая всех, кто не присоединился к этому крестовому походу, как защитников плохих мужей и отцов? Как бы повели себя северяне в условиях таких провокаций? В этих двух случаях действительно есть разница, но она заключается не в характере и степени раздражающего влияния, поскольку южанин ощущает вмешательство незнакомцев в выполнение своих домашних обязанностей по отношению к слугам в той же степени, в какой северянин ощущал бы такое же вмешательство в отношении своей жены и детей. Разве северяне не обязаны проявлять терпение и сочувствие к своим южным братьям, которые подверглись таким жестоким испытаниям?

Именно настаивая на этих соображениях, а также демонстрируя и защищая принципы милосердия и мира, женщины могут оказывать мудрое и соответствующее влияние, которое, несомненно, приведет к прекращению не только рабства, но и бесчисленных других зол и несправедливостей. Никто не может возражать против такого влияния, но все стороны пожелают удачи каждой женщине, которая скромно, мудро и великодушно попытается это сделать.

Я не предполагаю, что что-либо, что я могу предложить, удержит каких-либо аболиционистов от преследования принятых ими мер. Они, несомненно, будут продолжать муссировать эту тему и создавать добровольные ассоциации по всей стране, чтобы возбудить общественное мнение на Севере против морального зла, существующего на Юге. Тем не менее, я не могу не надеяться,

что некоторые соображения могут повлиять на то, чтобы в некоторой степени изменить дух и меры некоторых членов этой партии.

Аболиционисты - это люди, которые выступают перед общественностью в качестве *обличителей*. Нельзя отрицать, что Евангелие требует от христиан иногда брать на себя эту должность; но оно столь же недвусмысленно указывает на те качества, которые одни могут дать человеку право выполнять ее. И ни один человек не действует мудро или последовательно, если он не может убедиться в том, что он обладает качествами для выполнения этой обязанности, прежде чем он примет ее на себя.

Первое из этих требований представляет собой нечто большее, чем обычное освобождение от порицаемых недостатков. Вдохновенный вопрос: "Итак, ты, учащий другого, не учишь ли самого себя?" обеспечивает соблюдение этого принципа; и максима здравого смысла, гласящая, что "у осуждающих должны быть чистые руки", не менее недвусмысленна. Аболиционисты осуждают нарушение обязанностей в семейных отношениях. Конечно, это мужчины, которые особенно обязаны быть образцовыми в выполнении всех своих домашних обязанностей. Если человек не может обуздать свой характер и свой язык; если он подвергает моральному наказанию тех, кто идет ему наперекор, что более сурово, чем физические побои; если он властен или требователен к тем, кто находится под его контролем; если он не может добиться уважения за доброе и добросовестное выполнение всех своих социальных и относительных обязанностей, то вступать в Общество отмены рабства для него так же неразумно и неприлично, как для пьяницы проповедовать воздержание или аболиционизм рабовладельцев.

Еще одним необходимым условием для должности обличителя является характер, отличающийся смирением и кротостью. Нет ничего труднее, чем приблизиться к людям с целью убедить их в их собственных недостатках; и тот, кто пытается это сделать в самодовольном и диктаторском духе, всегда приносит больше зла, чем добра. Каким бы образцовым человек ни был в глазах окружающих, причин для проявления смирения предостаточно. Ибо человек должен судить о себе не по сравнению с другими людьми, но по тому, как он предстает перед Богом, по сравнению с совершенным законом и по отношению ко всем своим особым возможностям и ограничениям. Кто в этом сравнении не может найти причину для глубочайшего унижения? Кто может уйти от присутствия Бесконечной Чистоты после такого расследования, чтобы "взять своего брата за горло"? Кому, скорее, не следовало бы пойти к брату, который, возможно, согрешил, с глубочайшим сочувствием и любовью, как к тому, кто среди больших искушений и с меньшими преимуществами может быть наименьшим преступником из двоих? Человек, который идет с таким настроением, имеет наилучшую надежду сделать добро тем, кто может обидеть. И все же даже такой настрой не всегда спасает человека от гневных реплик, досадных намеков, ревнивых подозрений и неправильного понимания его мотивов. Следовательно, обличающий, если он хочет избежать ссоры и творить добро, которого он стремится добиться, должен обладать той кротостью, которая может принимать зло за добро, с терпеливой благожелательностью. И мужчина не годится для обязанностей обличителя, пока он не сможет взять свои чувства под этот контроль.

Последнее и не менее важное требование к обличителю - это *осмотрительность*. Это не там, где так необходимо, как в тех случаях, когда речь идет о семейных отношениях, ибо именно здесь находится место, превыше всех остальных, где мужчины наиболее чувствительны и неразумны. Нет никого, у кого было бы больше возможностей научиться этому, чем у тех, кто

действует как учителя, особенно если они чувствуют ответственность христианина и друга в отношении нравственных интересов учеников. Учитель, который разделяет с родителями обязанности по воспитанию их детей, все усилия которого могут оказаться бесполезными из-за родительского влияния дома; который испытывает нежный интерес как к родителю, так и к ребенку, несомненно, является тем, кто, как может показаться, имеет право искать и шанс на успех в поиске некоторых модификаций домашнего влияния. И все же учителя, вероятно, подтвердят, что это самая обескураживающая задача, которая часто с такой же вероятностью приводит к ревнивому отчуждению и потере влияния как на родителя, так и на ребенка, как и любое хорошее дело. Это один из величайших комплиментов, который можно сделать здравому смыслу и хорошим чувствам родителя, - осмелиться предпринять какие-либо подобные меры. Это может показать, сколько осмотрительности, такта и деликатности требуется тем, кто стремится исправить зло во внутренних отношениях человечества.

Таким образом, особыми качествами, которые делают мужчину подходящим на роль аболициониста, являются образцовое выполнение всех домашних обязанностей; смирение, кротость, деликатность, такт и осмотрительность, и это должно быть особенно отличительными чертами тех, кто занимает место *лидеров* при разработке мер.

И при выполнении этих трудных и самоотверженных обязанностей нет людей, которым нужно было бы более тщательно изучать характер и подражать примеру Искупителя человечества. Он действительно был искателем сердец, и тем обвинениям, которые были основаны на совершенном знании "всего, что есть в человеке", мы не можем подражать. Но мы можем подражать ему, когда он с такой мягкостью, терпением и сострадательной любовью сталкивался со слабостью, опрометчивостью, эгоизмом, мирской суетностью людей. Когда молодой человек с таким самодовольством пришел спросить, что еще он может сделать, как доброжелательно его приняли, как мягко убедили в его большом недостатке! Когда его разгневанные последователи хотели призвать огонь с небес, какнисходителен был этот упрек! Когда один из его ближайших друзей отверг его и бросил с клятвами и проклятиями, что это было, как не взгляд, полный жалостливой любви, который заставил ученика так горько плакать? Когда в своей последней степени скорби все его друзья уснули, как нежно он набросил на них мантию любви! О благословенный Спаситель, передай больше своего собственного духа тем, кто заявляет, что следует за тобой!

КОНЕЦ.

СНОСКИ:

[1] История отмены работорговли.

[2] Кольридж.

[3] Отец покойного Сэмюэля Уайтбрида, эсквайра, великодушно взялся, чтобы облегчить мистеру Кларксону размышления по этому поводу, "возместить все обиды, которые кто-либо может понести от такого преследования"; и он честно и благородно выполнил свое обязательство.

[4] Этот рассказ Кларксона и предыдущий рассказ Уилберфорса взяты из "Христианского подарка на память" 1836 и 1837 годов.

Примечания переписчика:

Прилагательное "христианский" иногда пишется как "christian", и его использование непоследовательно на протяжении всей книги.

Пунктуация, язык и орфография оригинала сохранены, за исключением тех случаев, когда указано иное.

Изменения, внесенные в исходный текст, обозначены пунктирными линиями под исправлениями. Наведите указатель мыши на слово, и появится исходный текст.

Страница 3: в ответ на этот запрос мисс Гримке обратилась по следующему адресу:

Страница 19: связанные Кларксон, Шарп, Маколи и

Страница 44: [пустое место] это с "похитителем овец". Но аболиционисты

Страница 53: Во-вторых, чтобы заставить их отказаться

Страница 59: поддерживал этот трафик в этой стране. Что

Страница 71: намерение посетителя посвятить себя этому

Страница 84: Мистер Кларксон продолжал свое эффективное сотрудничество

Страница 101: настолько доброжелательна в чувствах и действиях; что ее

Страница 108: когда она не может угодить или раздражительными жалобами

Страница 112: Каждый мужчина говорит: "Позволь мне иметь

Страница 124: и предвзятый фанатик.["]

Страница 134: искушение и ведет к большему злу, чем

Сноска 3: преследование;["] и он с честью и благородством выполнил свое